

ОСН

П Е Т Р С К О С Ы Р Е В
ТУРКМЕНСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

8(6)
с 44.
Р 34688.



1945

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

... разноцветная, разноязычная литература наших республик выступает как единое целое..."

Из выступления А. М. Горького на 1-м съезде советских писателей.

ОТ АВТОРА

Многонациональный, разноязычный характер советской культуры ярко обозначился уже в первые годы революции. Это произошло потому, что, как говорил товарищ Сталин: «...социалистическая революция не уменьшила, а увеличила количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд национальностей, ранее неизвестных или малоизвестных. Кто мог подумать,— говорил товарищ Сталин,— что царская Россия представляет не менее 50 национальностей... Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие».

«Советская литература,— сказал на 1-м съезде советских писателей Алексей Максимович Горький,— не является только литературой русского языка — это всесоюзная литература».

К концу первой Сталинской пятилетки произведения советской литературы создавались уже на нескольких десятках языков народов СССР. А к началу войны на всех языках народов СССР было издано одиннадцать миллиардов экземпляров книг художественной литературы.

Советская литература представляет ныне мощное многонациональное явление, в котором, бок о бок с русскими, творчески работают на благо родины писатели всех братских народов.

Однако было бы ошибкой, говоря о советской литературе как о едином многонациональном потоке, не замечать различий, существующих между отдельными ее национальными течениями. Эти различия многообразны, и обусловлены они как неодинакостью путей исторического развития народов нашей страны, так и неодинакостью их культурного и экономического уровней к моменту наступления революции.

Одни народы в прошлом не имели ни своей литературы, ни даже письменности. Единственным выражителем их поэтического познавания мира был фольклор. Таковы мордва, киргизы, кара-калпаки, марийцы, удмурты, большинство народов Сибири и севера Союза и некоторые народы Северного Кавказа.

У других существовала письменность и довольно богатая художественная литература. Однако культурно-бытовой уровень этих народов был таков, что литература оставалась достоянием лишь крайне узкого круга духовенства и аристократических верхушек общества; основное же население, будучи неграмотным, жило вне какого-либо воздействия печатного слова и также знало лишь один вид творчества — фольклор. К таким народам должны быть отнесены туркмены, узбеки, казахи, таджики, молдаване и в значительной части азербайджанцы.

Наконец были народы с древней книжной культурой и значительной прослойкой интеллигенции. В кругу поэтической культуры этих на-

родов фольклор уже не играл доминирующей роли и не заменял всех прочих видов литературы. Такими народами, кроме русского, были украинцы, татары, грузины, латыши, литовцы, эстонцы, армяне, белоруссы, отчасти азербайджанцы и осетины.

Внутри каждой из этих групп также существовали свои различия, так что советская литература — особенно на первых этапах своего развития — представляла весьма пеструю картину, будучи не только многонациональной, но и многостадиальной. Отдельные ее отряды отличались друг от друга не только по языку, но и по целому ряду других признаков: по степени развитости литературного языка, по культурному уровню писательских кадров и читательских масс, по большему или меньшему влиянию на эти литературы русского языка и русской культуры, по соотношению устного народного творчества и книжной традиции, по значительности влияния национальных классиков на современных писателей и т. п.

Общий рост советской культуры постепенно стирает и уничтожает эти различия, тем самым подтягивая прежде отсталые литературы к уровню крупнейших советских литератур — русской, украинской, грузинской и других. Однако всякий раз при рассмотрении тех или иных явлений той или иной национальной советской литературы мы должны помнить об особенностях пути, приведшего эту литературу к нынешнему ее уровню. Иначе легко утратить чувство объективности и перспективы, столь необходимое в работе критика и литературоведа.

Предлагаемая читателю книга очерков о турк-

менской литературе ни в малой мере не претендует быть историей туркменской литературы. Эта книга — попытка познакомить русского читателя с некоторыми особенностями развития одной из наиболее молодых советских литератур, какой по справедливости может считаться (наряду с башкирской, кара-калпакской, киргизской, бурято-монгольской и литературами народов Поволжья) литература советской Туркмении. Автора больше всего занимали процессы, приведшие туркменскую советскую литературу к нынешнему ее уровню. Это и определило общий характер работы и тон ее изложения.

П. Скосырев

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ АУЛА

1

Туркменский народ до революции был «полузабытым и малоизвестным». Закаспийская область считалась одной из самых заброшенных и скудных окраин России. Только в узкой полосе северных предгорий Капет-Дага да по побережьям рек Теджена, Мургаба и Кушки отдельные земельные участки возделывались под хлопок, виноградники и хлеб. Остальную часть края — 93 процента его территории — занимали Кара-Кумы — Черные или Злыепески. Власти-тели края мало интересовались жизнью в песках, как, впрочем, редко вмешивались и в быт тех туркмен, что жили в оазисах бок о бок с русскими. Заручившись поддержкой родовых старейшин, царские администраторы внешне оставили коренное население в тех же условиях, в каких оно пребывало и во времена так называемой туркменской независимости.

Отдельные представители родовой аристократии посыпали своих детей в русско-туземные школы, в кадетские корпуса и в петербургские военные училища. Основная же масса аульных жителей попрежнему не знала ни школ, ни печатного слова и попрежнему целиком находилась под властью адата, этого неписаного закона об

укладе туркменской жизни. Адат — охранитель дедовских устоев — поддерживал племенную и родовую рознь между туркменами и препятствовал проникновению в аул каких-либо прогрессивных или освободительных идей. В этом и нужно искать объяснения тому «невмешательству» во внутреннюю жизнь аула, которое было характерно для политики царского правительства в Закаспии.

Когда же этот принцип был нарушен и в 1916 году был объявлен приказ о «реквизиции на тыловые работы туземного населения», — аулы восстали. Вожди племен и тут проявили свою неспособность или нежелание понять подлинные интересы своего народа. Их поведение в 1916 году в целом ряде случаев может быть характеризовано, как политический авантюризм. Туркменский народ правильно расценил поведение своих ханов и отцов рода. В следующие 1917, 1918, 1919 и 1920 годы, когда Закаспий стал ареной борьбы между революцией и белогвардейщиной, основные массы туркменского народа боролись на стороне Красной Армии против эсеровско-деникинских и байско-ишанских басмаческих банд, не считаясь с тем, что руку контрреволюции держало большинство родовых вождей, беспрекословному повиновению которым учил адат.

Одной из особенностей, резко отличающих Туркмению от соседних республик Средней Азии, являлось полное отсутствие в ней к моменту наступления революции сколько-нибудь развитой городской культуры.

И таджики, и узбеки (таджики — целиком, узбеки — в основной своей массе) издавна бы-

ли народами оседлыми. Знамениты по всей Средней Азии фруктовые сады Ферганы, виноградники Самарканда, хлопковые плантации Бухары. Не менее славны и города таджикские и узбекские — Самарканд, Бухара, Ташкент, а также Андижан, Хива, Коканд, Ходжент, Ура-Тюбе.

Городская культура этих народов была настолько значительна, что оказывала немалое влияние и на культуры сопредельных стран — Афганистана, Ирана, отчасти Турции и Индии. Эмирская Бухара считалась третьим по значению городом исламской мудрости... Когда мулла с пожелтевшим кораном подмышкой проходил под сенью бухарского или хивинского базара, дехкане, съехавшиеся из кишлаков, — забитые узбекские и таджикские дехкане — рабы эмира, — с благоговением и страхом взирали на священную книгу, зная, что за этим истлевшим корешком выстроились в ряд всесильные слова закона. Писаный закон мусульманского общества, шариат, безраздельно царил в кишлаках и городах Бухарского и Хивинского ханств, и узбеки и таджики — даже неграмотные — хорошо понимали власть письменности.

Не то в Туркмении.

Если население ее и не было сплошь кочевым, как это изображали историки и этнографы, начиная с Вамбери, то все же вплоть до Октября оно в основном сохраняло полукочевой характер своего хозяйства. А это предопределило и многие черты его быта, а также особенности развития его материальной и духовной культуры.

Туркмения до революции фактически не знала письменности. Грамотность ее населения ис-

числялась десятыми долями процента. Умевший читать туркмен выделялся из общей среды даже по имени — к нему обычно добавлялась приставка *молла*; говорили: Молла-Непес, Молла-Кеминэ, Молла-Мурт. Молла, или более привычное для русского уха слово *мулла*, означает мусульманского священнослужителя. Но не следует думать, что знаменитый туркменский поэт XIX века Молла-Непес или не менее славный Молла-Кеминэ были священнослужителями. Просто они знали грамоту и потому были поченны приставкой *молла*. Заметим тут же, что история Туркмении не слишком много знает таких людей, к именам которых добавлялась бы эта приставка-диплом. Их десятки, если не единицы.

Кочевой быт не способствовал сколько-нибудь значительному укоренению в жизни туркмен власти шариата. В громадном большинстве случаев его заменял агад, а в вопросах, не поддающихся строгой регламентации закона, хотя бы и устного, — туркменчилик; это понятие ближе и вернее всего может быть передано на русском языке словами: «*Так у нас, у туркмен, принято*»; или: «*Так нам, туркменам, прилично*», или: «*Этого нам, туркменам, делать не полагается*».

Письменную культуру в Туркмении советской власти пришлось строить, строго говоря, на пустом месте.

И в то же время (здесь мы сталкиваемся с явлением в высшей степени любопытным и не столь частым в истории национальных культур) неграмотная Туркмения не только имела свою художественную литературу, но ее классическая литература во многих отношениях была даже

богаче, а влияние ее на народное сознание значительнее и глубже, нежели у некоторых других народов Средней Азии с более развитой письменностью.

Не возобновляя спора о том, следует ли именовать туркменской древнюю литературу тюрок-огузов, потомками которых туркмены себя считают, мы можем назвать целый ряд имен классических поэтов, принадлежавших всецело и только Туркмении. Это, прежде всего, «отец туркменской поэзии», поэт-философ XVIII века, Махтум-Кули Фраги, ставший для всех последующих поколений туркменских поэтов учителем и образцом. Затем это Зелили и Сеиди, поэты-воины, оставшиеся в памяти народа как выразители в туркменской поэзии воинствующей мужественности и героического патриотизма. Это — Шабендэ, чьи многочисленные дестаны: «Гюль и Бильбиль», «Саят и Хемра», «Шабехрам» и другие до сих пор волнуют сердца туркменских читателей красотой и напевностью стиха и искусственной сложностью сюжетных линий. Это и «~~надища~~ лириков» Молла-Непес, создавший самое популярное произведение всей туркменской классической литературы — роман «Зохре и Техир». Это и Магрупчи, одинаково хорошо владевший копьем воина и пером поэта и сумевший пламень всегда обуревавших его ратных чувств излить в звучных строфах романа «Юсуп и Ахмет». Это и гуманный и мягкий Шейдаи, и нежный Гаиби, и полный сдержанности и мудрости Ашики. И, наконец, это поэт-легенда, нищий весельчак Кеминэ, острый сатирик и трогательный лирик, чья жизнь, утеряв черты реальной биографии, ныне

стала фольклором и, распавшись на цепь рассказов, сказок и анекдотов, известна каждому туркмену с малых лет.

- Названные поэты прошлых веков (а перечисление их можно бы и продолжить) по влиянию, какое они оказывали на современников и продолжают оказывать на читателей и писателей советской Туркмении, по тематической насыщенности, страстности, образности и эмоциональной напряженности их творчества имеют полное право стоять в одном ряду с иными классиками других советских народов, носителей древней книжной культуры.

Естественен вопрос: как же могла возникнуть столь богатая литература у народа, фактически бывшего бесписьменным? Какими путямишло распространение произведений, если народ был неграмотен? Как могло случиться, что романы и поэмы, в большинстве случаев оставшиеся незаписанными, не только не исчезли из памяти народа, но сохранились до наших дней, не подвергнувшись (как это бывает с фольклором) сколько-нибудь значительной обработке или редакции со стороны сказителей?

Ответа на эти вопросы надо искать в некоторых особенностях истории и быта туркменских племен за последние два-три столетия.

2

Туркмены не знали городской культуры. В этом отношении их можно бы сравнить с казахами или киргизами, также не создавшими своей городской культуры и также долгое время не имевшими письменности. Но исторические судьбы этих народов и условия их культурного

развития и существования были далеко не одинаковы. Казахи и киргизы до половины XIX века вынуждены были строить свои отношения с сильными соседями на основе наименьшего участия в государственной и политической жизни этих государств. Туркмены же, обитая на территории, зажатой деспотиями Ирана, Хивы и Бухары, не могли отказаться от участия в борьбе сильных и агрессивных соседей, чтобы не быть раздавленными. И туркменские племена вступали то с тем, то с другим соседним государством во временные союзы, неминуя вовлекаясь тем самым и в круг их военной и гражданской культуры. Знаменитый Надир-шах, этот последний из азиатских «покорителей вселенной», мечтавший в XVIII веке повторить походы Чингиз-хана и Тимура, по национальности был туркмен, хотя в памяти туркменского народа и остался как один из самых свирепых посягателей на туркменскую независимость.

Такое постоянное общение с соседними государствами способствовало распространению в Туркмении иранской и арабской классической поэзии. Военные походы расширяли кругозор народа-кочевника и создавали условия не только для развития многожанрового туркменского фольклора, но и для появления индивидуальных творческих откликов на события, свидетелями и участниками которых многим из туркмен пришлось быть. В городах Хивы, Бухары и Ирана туркмены также были не редкими и не случайными гостями. Иные из них получали образование в хивинских и бухарских медрессе.

Все это, вместе взятое, содействовало тому,

что со второй половины XVIII века начинается расцвет туркменской классической поэзии, золотой век, украшенный именами Махтум-Кули, Шабендэ, Зелими, Молла-Непеса, Кеминэ и др.

Хранителями богатств этой литературы и распространителями ее в народе были бахши, — явление весьма любопытное в жизни старой Туркмении.

Бахши — это бродячий певец, сказитель и музыкант, а часто и поэт. Но бахши больше чем только музыкант, сказитель или певец. Для певцов и музыкантов туркменский язык знает самостоятельные наименования: певец — айдымчи; музыкант — дутарчи, тюйдукчи или гыджакчи (в зависимости от того, на каком инструменте играет музыкант — на дутаре, тюйдуке или гыджаке). Для поэта тоже имеется свое слово — шахир. Сказитель — маддах. А бахши — есть бахши. Он одновременно и певец, и музыкант, и поэт, хранитель народной мудрости, собиратель и выражатель национального поэтического самосознания.

Репертуар бахши, вкусы бахши, память бахши заменили для туркменского аула до революции такие институты городской культуры, как библиотеки, как нотохранилища, как музыкальные и певческие школы, как литературно-художественные журналы и даже, пожалуй, как своего рода университеты, так как именно из песен и рассказов бахши слушатели узнавали о прошлом своего народа и о великих делах и людях Азии.

Имена знаменитых бахши долго хранились в памяти народа. Туркмены не привыкли отожествлять тот или иной период в своей истории с

именами шахов или эмиров, как это было в Хинве, Бухаре или Коканде; ни эмиров, ни шахов туркменские племена не знали. Прошлое у туркмен определялось по именам прославленных поэтов. «Это было,— скажет пастух или садовник,— когда Еген-Ораз-бахши еще не кончал петь своих песен»; или: «Еще Курбан-бахши только брал уроки у Анна-Назара». И тем точно определялось время события, так как каждый туркмен хорошо знал, когда именно Курбан-бахши проходил пору ученичества у знаменитого Анна-Назара или когда несравненный Еген-Ораз отложил дутар, отказавшись от песен.

Хронологическая таблица прославленных бахши, составленная известными собирателями музыкального фольклора Туркмении В. Успенским и В. Беляевым, содержит больше пятидесяти имен. Открывает ее имя легендарного Гер-Оглы — главного героя эпоса туркменского народа, бывшего, по преданию, одновременно богатырем и музыкантом. Вот эта таблица (в несколько сокращенном виде):

Гер-Оглы — иомуд.

Вейран-бахши.

Ходжа-Кулок — из Серахса, учитель Нобат-Нияз-бахши.

Нобат-Нияз-бахши — родом из Серахса, салыр.

Кара-бахши — сарык, учитель Али-бахши и учитель Сопи-бахши, отца Мамет-Анна-бахши.

Джеппар-бахши — сарык. Он был стариком, когда Али-бахши был юношей.

Кара-Дели-Геклен. Он был стариком, когда его знал Шюкюр-бахши.

Дурды-бахши (родился ок. 1806 г., ум. ок. 1886 г.).

Кер-Коджали (род. ок. 1800 г.).

Молла-Непес (род. ок. 1810 г.) — из племени теке, аула Язы, Токтомушского района.

Али-бахши Кара-Оглы — был учеником и, повидимому, сыном Кара-шахира.

Еген-Ораз-бахши Илек-бахши-оглы (ок. 1817—1866) — из аула Эгре-Ших, Мервского округа, Тохтомышского района.

Чолак-бахши (Анна Назар) (род. ок. 1835 г.) — сарык, учитель Курбана-бахши.

Курбан-бахши (род. ок. 1850 г.) — сарык, учитель Карли-бахши Иол-Аманова.

Ораз-Непес-Оглан-бахши (ок. 1867—1917 г.) — умер в Мерве. Учитель Бек-Мурата Халлиева... и т. д.

Едва ли есть другой народ, в истории которого «хронология певцов и поэтов» заменяла бы «хронологию царей».

Бахши, исконные создатели и носители фольклора, являлись и главными популяризаторами классических произведений, частью записанных при своем создании, частью же никогда не знавших чернил.

Классическая туркменская литература жила в народе так же, как живут сказки, пословицы, былины — все те явления в области художественного слова, которые мы привыкли называть фольклором.

Может возникнуть соблазн — да не следует ли все эти произведения классиков, раз они распространялись только устно, отнести целиком и полностью к фольклору? В. Беляев и В. Успенский так и сделали. Они, не смущаясь, к народным песням причисляют и песни, сложенные Махтум-Кули, и стихи Молла-Непеса или Кеминэ. Это, конечно, ошибка. Фольклор анонимен, и признаки индивидуального авторства его всегда нивелированы коллективным соавторством или редактурой его носителей. Произведения же туркменской классики сохраняют все

особенности индивидуального почерка поэтов, их создавших, хотя в течение десятилетий, а порой и столетий они существовали лишь в устной передаче. Классики Туркмении, даже не оставившие записей своих романов и стихов, были поэтами-профессионалами. Они передавали народу свои произведения в окончательном — не подлежащем перередактированию — виде и обычно в заключительные строфы поэмы или стихотворения вплетали свое имя, как бы скрепляя устной подписью свое авторство.

...Чем я богат, про то один
Небесный знает властелин.
Махтум-Кули среди теснин
Своих не видит сополчан.

(Заключит. строфа стих.
Махтум-Кули «Я растерял».)

Поет Кеминэ: велика твоя сила,
Ножами ресниц ты мне сердце поончила,
Ты в уголь горящий меня превратила,
Карминное платье на теле твоем.

(Заключит. строфа стих.
Кеминэ «Твой лик...»)

...Послушай,— Нечес говорит,—
Я вяну от горьких обид,
Но взор, что любовью горит,
Не встретит другая любимая.

(Заключит. строфа стих.
Молла-Непеса «Весь мир».)

С лучшими образцами своей классической литературы туркмены знакомились с ранних лет, слыша их в исполнении бахши. И это обеспечило постоянное и глубокое влияние классической поэзии на народное сознание, что не всегда име-

ет место — как мы знаем — и у народов с более развитой письменной культурой.

Подобное явление можно наблюдать в каракалпакской поэзии, где долгое время существовали устно произведения такого классика, как Бердах, а также у казахов, имевших в прошлом Мохамбета, Болуан-Шолака и других крупных поэтов и имеющих ныне классика устной поэзии Джамбула. В Киргизии точно таким же путем дошли до нас произведения зачинателя киргизской литературы Токтогула Сатылганова. Но в Туркмении это явление наиболее разительно; ведь от рождения Махтум-Кули до наших дней прошло больше двухсот лет, а Бердах, Мохамбет, Токтогул и Джамбул — это все поэты XIX или даже XX века.

Из сказанного явствует, что, прежде чем говорить о развитии советской поэзии в Туркмении, необходимо хотя бы в самых общих чертах познакомиться с творчеством крупнейших туркменских классиков, чья поэзия, наряду с фольклором, стояла у колыбели зародившейся в 1922—1925 годах советской туркменской литературы.

КЛАССИКА И ФОЛЬКЛОР

Махтум-Кули Фраги (1733—1782?). О жизни Махтум-Кули каких-либо письменных материалов не сохранилось, как не сохранилось их и о других туркменских классиках.

Принято считать, что он родился в тридцатых годах XVIII века, бывшего для туркменского народа веком тяжелых испытаний. Понятие туркменский народ в то время фактически не существовало; оно заслонялось названиями племен и родов, еще не поднявшихся до осознания своего национального единства. Главнейшими туркменскими племенами были — текинцы, иомуды, ёрсари, сарыки, чаудуры, салыры и гоклены, столетиями враждовавшие между собой.

Начало творческой работы Махтум-Кули относится к тем годам, когда только отгремели победные трубы Надир-шаха, залившего кровью Азию. Племена и роды, соединившиеся было для отпора завоевателю, вновь предались кровавой вражде из-за лучших пастбищ и колодцев. И Махтум-Кули с малых лет довелось быть свидетелем великих народных бед, наложивших отпечаток на все его творчество.

По преданию, дар поэзии открылся у будущего поэта в ранней юности, причем примером и образцами ему служили не только народные

песни и дестаны, но и книжная поэзия. Отец Махтум-Кули, Давлет Маммед-Азади, сам был небезызвестным поэтом-книжником, автором громоздких дидактических поэм. Он обучил сына грамоте и привил ему склонность к размышлениям о судьбах мира и уважение к поэзии Ирана и Турана, украшенной такими именами, как Фирдоуси, Рудаки, Низами, Саади, Насимч, Навои, Фисули, Джами и др.

Махтум-Кули для своего времени был широко образованным человеком. В хивинском медрессе Ширгази-Хана он изучал творения Абу-Иль-Сино (Авиценны), Аль-Беруни и Аль-Хорезми, подарившего миру учение о логарифмах. Там же, помимо корана, молодой поэт читал Бядиля и других классических поэтов, а кроме того, занимался и совсем иной наукой: учился ремеслам кожевенника-сапожника и серебряника-ювелира. Эти последние занятия сблизили поэта с трудовым людом хорезмской столицы.

Вернувшись на родину в Кара-Кала, Махтум-Кули занялся сельским хозяйством, ремеслами и поэзией. Он нередко покидал дом для длительных странствований по переднему и срединному Востоку. Многообразие явлений мира, с каким ему пришлось сталкиваться, отложилось в его стихах многообразием тем и богатством поэтических образов. Есть сведения, что он был и в пределах России, в Астрахани, где с присущей ему любознательностью притглядывался к русской культуре. Впрочем, на творчестве туркменского классика пребывание в России заметным образом не отразилось.

Умер Махтум-Кули в восемидесятых годах XVIII века, прожив всего около пятидесяти лет.

Бахши любят рассказывать, что поэта свело в могилу «постоянное огорчение сердца по поводу непрекращающейся кровавой вражды племен, губившей народ».

Память бахши и разрозненные записи сохранили для нас около четырнадцати тысяч стихотворных строк Махтум-Кули, — несколько поэм и большое количество коротких стихотворений. Среди этих стихотворений можно найти образцы всех поэтических жанров: стихотворения героические, лирические, философские, сатирические, бытовые, назидательные, автобиографические и публицистические. В стихах Махтум-Кули нашли отражение все стороны туркменской жизни — туркменский быт, туркменская природа, мечта туркмен о лучшей доле, любовь к родным пескам и родному небу, ненависть к угнетателям и стремление к справедливой и свободной жизни, постоянная склонность к размышлению о превратностях и неисповедимости человеческих судеб и твердое предпочтение воинских качеств человека — стойкости, мужества и прямоты — внешним показателям его благополучия — богатству или знатности.

Эти качества поэзии Махтум-Кули делают ее близкой для каждого туркмена. В соединении с совершенством формы, они обеспечили туркменскому классику почетное место в мировой поэзии рядом с Фирдоуси, Омар Хаямом, Хафизом или Навои.

Махтум-Кули принято называть поэтом-философом. С этим можно согласиться, если такое наименование не заслонит для нас живого облика страстного и вдумчивого человека, охотно откликавшегося на все явления окружающей его

жизни. Дидактизм, переходящий порой в резонерство, всегда присущий поэзии Востока, не был чужд и Махтум-Кули. Но не в нем сила и значение его поэзии. Сила Махтум-Кули в необычайной страстности его восприятия мира и в не менее страстной пытливости его ума. Темами коротких его стихов (а именно в них, а не в поэмах, нужно искать самобытную ценность его поэзии) — стихов-раздумий, стихов-поучений, стихов-насмешек и стихов-песнопений — были все вопросы и явления жизни, с какими только мог в то время столкнуться человек. Здесь и раздумье об инерции человеческой жизни, склонной «тлеть и незаметно переходить в небытие», если человек не занят активным творческим трудом:

... В двадцать лет всё нипочем.
Был ты первым ловкачом:
Знал коня, владел мечом,
Шел на вражьи стрелы ты.

В тридцать лет был полон сил,
Был кутилой из кутил,
Время в играх проводил,
В плод вгрызался спелый ты.

...Ты не вырастил внучат,
Ветви голыми торчат;
Нет стыда и в пятьдесят,
Хоть белее мела ты.

...Как бы в прошлом ни цвели,
Мы в итоге лишь нули.
Лучше б, жизнь Махтум-Кули,
До ста лет не тлела ты.

(Стих. «Ты».)

здесь и гневная филиппика против продажных ишанов и мулл, угнетателей бедноты:

...Вы свой лет семьдесят лелеяли срам
И, веселись, блудливо гладили шлюх.

С нас вашу святость, старцы, я совлеку.
Вам богомолец-нищий в дань нес клюку.
На этом свете трудно жить бедняку,
Чей духовник падменен и толстобрюх...

(Стих. «Святые старцы».);

сетование на упадок нравов:

...Лгут и ишан и дервиш, враспутьство внаи;
Девы свой по блудницам ровняют нрав;
Смяты грехом стебли целебных трав,
Целых соломин ищем в битой соломке мы...

(Стих. «Ты».);

восторженный гимн недоступной красавице:

Из вечной чаши страсти я так хлебнул,
Что путь в мечеть, что крик амбала забыл.
Свой дух в котел кипящий я окунул
И, в чем отличье уст от жала, забыл.

Огнем любви объятый, я паром стал;
Прокипяченный ею, наваром стал;
Золой,— увы! — ненужной и даром,— стал:
Чем должен вертел быть для сала, забыл.

Я словно кем-то брошен среди песков,
Бреду и сам не слышу своих шагов...
Да разве дочь земли ты? — Ты с облаков!
Я сень шатра, я сон привала забыл.

Завистлив стал и жаден и ценок я.
В своем безумстве стоек и крепок я.
В любом предмете вижу твой слепок я
И, чём коран мудрей кинжала, забыл.

Махтум-Кули в пленау, бескрылый, встает.
Кружит плясун, и шейх пред силой встает.
Я вижу всюду — образ милой встает,
И, много выпил я иль мало, забыл.

(Стих. «Забыл».)

Махтум-Кули был близок к суфиям, но в суфизме его было бы бесплодно искать черт какой-либо отрешенности от мира. Все худосочное, половинчатое, все неполноценное, равно как и все выключенное за рамки видимого мира, претило земной и страстной натуре поэта. Даже в минуты мрачного отчаяния, когда Махтум-Кули пел свое «отрицание жизни» с ее обманом, насилием, ханжеством и вопиющей несправедливостью, он все же оставался привержен реальности вселенной.

Мир, звенящий железом своих когтей,
Ты жаднее голодного пса, о, мир!
Сколько б ты ни стяжал, не станешь сытей.
Нам для счастья даешь полчаса, о, мир!

Мир мне шепчет: «Найдешь ты подругу». — Ложь!
«Окажу вам любую услугу!» — Ложь!
«День и ночь предавайтесь досугу». — Ложь!
Ты увертливей спиц колеса, о, мир!

Можешь бурей дохнуть из горнила вдруг,
Можешь выпарить воду из Нила вдруг,
У слона уничтожится сила вдруг,
И его обезумит оса, о, мир...

(Стих. «Святые старцы»):

Иные исследователи склонны называть Махтум-Кули поэтом пессимистом, и целый ряд его стихов как будто дает к тому основание. Но мы вправе такой пессимизм называть видоизмененным, вернее — сублимированным, жизнеутверждением. Он был не чем иным, как защитной реакцией люэта на горечь социальной и бытовой обстановки, в условиях которой протекала жизнь туркмен. В этом туркменский классик близок к азербайджанским поэтам Хагани и Фисули, ярко выраженный внешний пессимизм которых был

лишь защитной реакцией на окружавшее их мракобесие средневекового исламизма.

К формальным особенностям поэзии Махтум-Кули должна быть отнесена афористичность его стиха, предметная образность, лаконизм выражений и стройная звучность и организованность языка. По влиянию на последующую поэзию своего народа, по той роли, какую сыграла творческая мысль Махтум-Кули в раскрытии и утверждении туркменского национального характера, его имя достойно занимать в истории Туркмении место столь же почетное, как имена национальных классиков у других народов.

Как, не видав тебя, вообразить могу?
Ты горлинка иль соловей ты, кто ты?
Тебя назвав, моя любовь, себе ж солгу:
Быть может, роза средь ветвей ты, кто ты?

...Ты золотая россыпь или слиток ты?
Обитель райская иль место пыток ты?
Алмазов, лалов, перлов ли избыток ты?
Светильник или сноп лучей ты, кто ты?

Махтум-Кули, не верь успехам мнимым ты.
Напрасно гонишься за этим дымом ты.
Вообразил уже себя любимым ты,—
Безумец, пьяный ротозей ты, кто ты?

(Стих. «Кто ты?»)

Махтум-Кули — альфа и омега туркменской дореволюционной поэтической мысли. Влияние его на последующие поколения поэтов было покоряющим. Велика слава Молла-Непеса, тонкого и изысканного лирика, но, не создай за несколько десятилетий до него Махтум-Кули свой цикл любовных стихов, в которых неоднократно

нарушал канон традиционных образов и метафор,— и, возможно, Молла-Непесу пришлось бы ограничиться лишь варьированием любовных газэлл Низами, Навои или Фисули, как это делали иные поэты Средней Азии, его современники. Снискал бессмертную славу у своего народа Кеминэ, чье имя стало нарицательным, как прозвище самого неунывающего и находчивого из людей, когда-либо живших в песках. Но ведь пресловутый яд языка, каким Кеминэ разил своих врагов — баев, ишанов и мулл, был воспринят им из сатирических песен Махтум-Кули, который умел играть на рожке сатирика не хуже, чем на лирической свирели. До сих пор образцами героической поэзии у туркмен считаются стихи Зелили и Сенди, но оба эти поэта в юности были прямыми воспитанниками Махтум-Кули и из его устных наставлений и стихов почерпывали те мотивы патриотизма, которые позднее прозвенели в их песнях медью походных труб. Следами влияния Махтум-Кули отмечены работы и других поэтов конца XVIII и начала XIX века — Шабендэ, Магрупши, Талиби, Гаibi. Известен рассказ о том, как Кеминэ оценивал роль Махтум-Кули в развитии родной поэзии. В беседе со своим другом: поэтом Молла-Непесом, Кеминэ сказал: «Народ взрастил богатый урожай песен. Пришел Махтум-Кули и собрал жатву золотых слов. Что осталось нам с тобой? Ходить по полю и подбирать уцелевшие колосья?!»

В столице Туркменской Социалистической республики Ашхабаде не редкость увидеть и сейчас какого-нибудь бродячего музыканта, который, присев в тени карагача, поет строчки, сложен-

ные почти двести лет назад, а случайные слуша-
гели невольно шевелят губами, вторя словам,
которые близки каждому туркмену, как родной
дом, как песок родных дорог:

Мудрый с мудрым воздухом дышит одним,
Дуралей влеком к дуралеям всегда.
День и ночь мы к любимым думы стремим;
Вспоминая, вздыхаем, млеем всегда...

Нурмурад Сарыханов, современный прозаик Туркмении, в своей автобиографии рассказывает, как, будучи двенадцати-тринадцатилетним юношей, он выучился грамоте у аульного ишана и, раздобыв сборник стихов Махтум-Кули, читал их каждый вечер своим односельчанам. Неграмотные крестьяне могли часами слушать песни любимого поэта, и, если мальчик путал какую-либо строку, они тут же поправляли его.

В дни войны с Гитлером в письмах, идущих на фронт из Ашхабада, Чарджоу, Ташауз, можно найти не мало высокий из стихов Махтум-Кули, о которых оставшиеся дома родные считают необходимым напомнить туркменским бойцам:

...Сотни трусов дороже один смельчак:
Он защитит народ и отчий очаг...

...Если чуешь опасность, меч навостри.
Если недруга силой не взять, скитри...

Перед войной правительство Туркменской республики вынесло решение о проведении юбилея Махтум-Кули.

Молла-Непес. Махтум-Кули был философ-реалист, Молла-Непес импрессионист-лирик.

Неразработанность истории туркменской лите-

ратуры и полное отсутствие документальных материалов о жизни и творчестве ее классиков не дают нам возможности установить даты создания главнейших произведений Молла-Непеса, а также определить сколько-нибудь точно даты его рождения и смерти. Сохранилось устное предание, что поэт Кеминэ, умерший семидесятилетним стариком около 1840 года, с надеждой взирал на быстро крепнувший талант молодого Непеса, близким другом которого был. Отсюда можно заключить, что знаменитый туркменский лирик жил в начале девятнадцатого столетия.

Из этих же устных преданий известно, что Молла-Непес родился среди марыйских туркмен, был искусным музыкантом, хорошо знал не только устную туркменскую, но и арабскую и фарсидскую книжную поэзию и некоторое время жил тем, что обучал грамоте аульную молодежь.

Наиболее достоверными материалами о Молла-Непесе являются его произведения. Их не мало. Помимо большого романа в стихах, «Зохре и Техир», Молла-Непесу принадлежит не один десяток коротких лирических стихотворений, из которых иные считаются шедеврами туркменской лирической поэзии. Это «Грозя кулаком», «Любимая», «Нам хорошо вдвоем одним», «Ты, ты» и др.

...О, только б видеть розы щек,
О, только б недруг был далек!
Уйти бы в тихий уголок
И ночью быть и днем одним.

Кудрей вдыхая аромат,
Безумец, я тоской объят.
Отведать лай твоих гранат,
С губ награди глотком одним!

О, ты! Серебряная ты!
Безумствуют мои мечты.
Сиянье этой красоты
Сравню лишь с горным льдом одним.

Неверный обращен тобой,
Покорный утолен тобой,
Навеки счастлив он тобой,
Объят блаженным сном одним.

Любуюсь нежною тобой,
Целуюсь жарко, ангел мой,
Молю тебя: побудь со мной,
Нам хорошо вдвоем одним!..

(Стих. «Нам хорошо вдвоем».)

...Царицу видеть я желал, и вот она стоит.
Склонился я к ее ногам, мне встать она велит.
Я встал и жалобу принес. «Но в чем клубок обид?»
Сказал: «Царица, я влюблен». — «То только кровь
кипит,
Лжив твой рассказ и сам ты лгун», — в ответ мне
говорит.

«Твои глаза меня сразят, хожу совсем больной».
«Ты, без сомнения, умрешь, готовясь в мир иной».
Сказал: «Царица, без тебя там изойду тоской».
«О, как влюбленного мне жаль, что ж делать мне с
тобой?»

«Царица, одари меня твою красотой...»
С усмешкою сказала мне: «Как смеешь ты грубить!»
Спросил я: «Что это за дым?» — «То прядь моих
волос!»

«А это?» — «Талия моя!»... — Как элифа вопрос.
«А этот сахар?» — «Мой язык». — Как сладок он
насквозь!
Потребовал я поцелуй. «Ты жаждешь смерти, брось!»
«Убей, коль жалости в тебе ни капли не нашлось».
Сказала, кулаком грозя: «Где потерял ты стыд?»

...Желаньем встречи упоен, у двери долго ждал.
Моргнула из-под рукава, я разом увидал

И незаметно для врагов пробрался в дальний зал.
Велела мне притти в тайник, — я там ее обнял.
«Царица-пери, день пожар меня терзал!»
«Ну, что ж, влюбленному сгорать обычай ваш велит!»

(Стих. «Грозя кулаком».)

Взлетят ресницы стайкой птиц,
Опустишь взор — и птицы здесь.
И речь в устах светлей зарниц,
И перлов' блеск танится здесь.

Над розой ветерок парит,
И песня в листьях шелестит...
Вода струится, гусь летит,
Но птица там, водица — здесь...

Любимая в чужой стране,
Ей суждено, моей весне,
Там убиваться обо мне,
А мне о ней томиться здесь.

Пленен красавицами я,
Две розы манят соловья:
Там девушка, луна моя,
А солнце — молодица здесь...

Судьба Непеса, как ты зла,
Коль сердцу радость не мила.
Там поразит его стрела,
Звенящий нож вонзится здесь.

(Стих. «Там и здесь».)

При первом знакомстве с Молла-Непесом русскому читателю бросаются в глаза многие традиционные, ставшие уже каноничными, «восточные» образы и метафоры его стихов. Лицо любимой для Молла-Непеса подобно полной луне, стан ее — кипарис, кудри черные — эмеи, несущие поэту гибель, а сам поэт, точно соловей, влюбленный в розу, томится страстью и исходит печалью:

Завидев трепетные луны бровей,
Луна на небе сразу станет бледней.
Силетенье кос твоих — чарующий змей...

Но надо помнить, что все эти традиционные образы — и розы, и соловьи, и кипарис, и волны кудрей — все это элементы той поэтической азбуки, владеть которой учится на Востоке каждый с юных лет, прислушиваясь к песням бахши или знакомясь со стихами восточных классиков. Если бы ими ограничивались достоинства Молла-Непеса, ёдва ли бы его произведения пережили своего создателя. Основные достоинства лирики Молла-Непеса — в умении поэта насытить каждый канонический образ и каждую традиционную метафору столь личной индивидуальной эмоцией, что даже и старые формы (а они далеко не исчерпывают всех приемов поэтики Молла-Непеса, обогащенной новаторскими «находками» Махтум-Кули) всякий раз становятся как бы новооткрытиями поэта. Искренность, напряженность и непосредственность чувства, пронизывающие каждую созданную им строчку, заставляют нас рассматривать все творчество Молла-Непеса, как своего рода поэтическую исповедь.

Лирика Молла-Непеса в основном — любовная лирика. Социальные мотивы редки в ней. Но весь характер любви, воспеваемой Непесом, был смел и социально значителен для своего времени. Это не любовь купля-продажа с заботой о выплате дорогого калыма. Любовь в поэзии Молла-Непеса — высокое и властное человеческое чувство, удел чистых и беспокойных душ. Любовь чиста, но она и трагична в силу

тяжести социальной обстановки, окружавшей женщину:

С лицом четырнадцатидневной луны
Прекрасна женщина, чьи речи скромны,
Бежит развратников, они ей страшны...

(Стих. «Пой розам, соловей».)

Разврат страшен, но страшнее условия жизни, вызывающие его. И вот в стихах Молла-Непеса возникает образ женщины, сломившейся, не сохранившей своей гордости, а вместе с тем потерявшей и честь:

Что шлюхе муж ее? Ей верность чужда.
Дружок ей лишь мигнет: «Поди-ка сюда»,—
Все бросив, побежит. А та, что горда,
Уйдет, разврата желанье почуяв...

(Стих. «Пой розам, соловей».)

Низок и страшен мир, который мог быть прекрасным. В этом мире —

Муллы, узнав про отневанье,— тут как тут...
хранители справедливости, судьи,—

Про тяжбу услыхав, руки трут...

а вездесущие ростовщики, скажи им: поделись своим богатством,—

В миг умрут...

но тотчас оживут,

Туман в кармане почуя.

Так «чистый лирик» Молла-Непес, стремясь к правдивому изображению мира, в котором

живет его лирический герой, становится — порой неожиданно для себя — обличителем и сатириком, подобно Кеминэ.

Максимального выражения трагизм высокой любви достигает в «Зохре и Техире». Этот роман является самым крупным произведением поэта. Предание о любви прекрасной Зохре к не менее прекрасному Техиру издавна бытовало у тюркоязычных народов: татар, башкир, узбеков, азербайджанцев. Не раз подвергалось оно поэтической обработке; но лишь в романе Молла-Непеса сказание о Зохре и Техире (этих Ромео и Джульетте Востока) развито с такой сюжетной полнотой и лиризмом, что навсегда утвердилось в туркменской поэзии, как одна из ее вершин. Сюжет романа несложен: козни врагов преследуют влюбленных, и счастье для них недостижимо. Но чистая любовь сильна. Непобежденная, она рождает в герое тягу к песне, и герой романа Техир становится певцом любви, творцом и «разносчиком» песен — народным бахши, утишающим людские муки и дающим им призрак счастья.

Популярность «Зохре и Техира» среди туркменского населения так велика, что, когда уже в наше время ашхабадский театр инсценировал роман Молла-Непеса, колхозники отдаленных аулов заказывали специальные самолеты, чтобы взглянуть своими глазами на знакомых с детства героев и утром вернуться в аул, отстоящий от Ашхабада порой на четыреста и больше километров.

Образ Техира, несмотря на сказочность обстановки, в какой развивается действие романа, для Молла-Непеса внутренне автобиографичен.

Техир — alter ego поэта. Вот почему во многих лирических стихах поэт именует себя Техиром, а свою возлюбленную — Зохре:

...Сказал Техир: «Я кровью пьян. Та кровь вина хмельней,— скажи».

Зохре, отклинись! Где обет, что дан давно тобой, скажи!

(Стих. «Скажи».)

Силе чувства поэта в полной мере соответствовала и сила его музыкальной одаренности. Пронизанный созвучиями, оснащенный внутренней, крайне сложной и тонкой рифмовкой, полной аллитерациями и ассонансами, стих Молла-Непеса снискал поэту в Туркмении звание «падишаха лириков».

Кеминэ — ваш покорный слуга.

Не вполне обычна судьба этого поэта.

Собственно, судьба человека, носившего имя Мамед-Вели (как будто таково было подлинное имя поэта, известного нам под псевдонимом Кеминэ), ничего необычного не представляет. Текинский бедняк Мамед-Вели родился в конце XVIII века в одном из аулов южной Туркмении, недалеко от города Серахса. Город этот существует и ныне. Бедняк имел тягу к учению; выбрался с одним из попутных караванов в Бухару и несколько лет занимался тяжелым трудом и учился; потом вернулся на родину, батрачил, нищенствовал, странствовал и умер семидесятилетним стариком в такой же бедности, как и родился.

Бедность и бездомные скитания не редко были уделом текинских, иномудских, эрсаринских, вообще туркменских дайхан, если те не зани-

мались разбойными набегами — аламанами или не были главами родов, получавшими львишую долю всего, что добыто в бою или собрано со скучной туркменской земли.

Скорбь терзала меня, напала на след.

Неудача пришла, а за нею бедность.

У меня ежедневно сто тысяч бед.

Всех терзаний моих ты страшнее, бедность.

Мир блестящий, но бренный, меня влечет.

А позор постоянный мне сердце жжет,

И долги нарастают из года в год.

Я умру под рукою твоей, бедность.

Я тебя понапрасну гоню, кляня:

«К баю, бедность, иди и оставь меня».

Без еды и питья не прожить и дня.

Я на ложе своем цепенею, бедность.

Человек достается тебе живьем,

Ты живот ему стягиваешь ремнем,

Ты по темени каменным бьешь пестом,

С каждым разом ты бьешь все сильнее, бедность.

Хуже мне, что ни день,— веселей тебе.

Кто завидывать станет моей судьбе?

Состязаюсь ли в беге с тобой, в ходьбе,

Знай, выигрыши твой: ты хитрее, бедность.

(Стих. «Бедность».)

Словом, судьба человека, носившего имя Мамед-Вели, ничего исключительного не представляла. Но зато далеко не обычна судьба поэта Кеминэ.

Умереть, не оставив ни строчки из своих произведений не только в напечатанном, даже в записанном виде; носить имя, которое было забыто почти так же скоро, как скоро сровнялся с землей могильный холм над последним земным убежищем поэта; и, несмотря на это, жить,

жить целое столетие в сердцах людей, влиться в поэтическую культуру своего народа, как ценнейшая составная ее часть; получить посмертную славу, которая с годами не только не померкла, но растет, ширится и ныне уже вышла далеко за пределы страны, в которой поэт родился. Из человека, имевшего реальную судьбу и обреченного реальным человеческим горестям и страданиям, стать человеком-легендой, человеком-сказкой, при одном упоминании о котором у слушателей на лицах расправляются морщины и губы сами складываются в улыбку,—такая судьба едва ли может считаться обычной для слагателей стихов и песен. Разве лишь таджикский поэт XVI века Мушфихи удостоился подобной же участи. Имя его также вошло в фольклор и обросло легендами и анекдотами. Но не забудем, что от Мушфихи дошли до нас его рукописи, тогда как первые записи стихов Кеминэ сделаны уже в советское время.

Прозвище Кеминэ вошло в культуру туркменского народа, как имя нарицательное. Образ Кеминэ превратился в фольклорный образ, заняв место в ряду наиболее популярных созданий народной фантазии, таких, как Меджнун, Фархад, Гер-Оглы. Непрерывно множится количество устных рассказов и сказочек, приурочиваемых к образу Кеминэ. Многое из этих анекдотов и сказок имеет опору в подлинных фактах биографии поэта, но многое подсказано фольклорной традицией короткого сатирического рассказа, давшей на Западе новеллы Бокаччио, на Востоке цикл сказок о Насреддине, в России народные сказки про «попа и мужика» или «мужика и барина» и т. п.

В чем же причина столь незаурядной популярности этого поэта?

Причин две.

Первая та, что поэт, принявший псевдоним Кеминэ (в переводе на русский язык это слово означает: униженный, припадающий к стопам, ваш покорный слуга; это слово обычно ставили перед подписью в письмах, адресуемых сильным мира сего), был в каждой своей строчке, в каждом стихотворении выражителем каждого дневных мыслей, мечтаний и забот наиболее приниженных слоев туркменского общества.

Поэты Востока, даже наиболее прославленные, такие, как Алишер Навои, Низами, Джамми, Кемал Ходжениди, Бядиль, Фисули, Секка-ка или Молла-Непес и другие, будучи носителями передовой поэтической культуры своего времени, не всегда и не во всех своих творениях оказывались понятны простому неграмотному жителю аулов или песков. Такие поэмы, как «Сокровищница тайн» Низами или «Сади Искандер» Алишера Навои, или даже отдельные философские стихотворения Махтум-Кули для правильного их понимания требовали от слушателей известной и немалой подготовки. В стихах же Кеминэ нет ни одной строчки, которая была бы непонятна любому аульному жителю.

Такова первая причина его популярности.

Вторая же — и она должна считаться основной — та, что Кеминэ смелее и ярче многих других поэтов Востока, в том числе и своих учителей — предшественников (среди которых назовем в первую очередь Махтум-Кули), начал культивировать жанр социальной сатиры. Обладающий даром неподдельного остроумия,

яро испытывавший всех угнетателей аульной бедноты, Кеминэ был настоящей грозой для ишанов, баев и мулл. Терзаемый всю жизнь бедностью, на своей шкуре познавший весьма колючую изнанку показного благополучия тогдашней патриархально-родовой жизни, Кеминэ не уставал внушать таким же, как он, беднякам, что бедняк несчастен лишь потому, что все блага мира обманом, хитростью, а то и прямым насилием захвачены баями, казнями, муллами и ханскими чиновниками.

На них-то он и обрушивал сокрушительный ливень своих обличений и острот.

Стихи Кеминэ, бичующие мулл и церковников, подхватывались каждым бедняком и заучивались наизусть всеми, кто, как и Кеминэ, познал на опыте чернодущие ишанов.

«Нам ни к чему коран сейчас», — пел Кеминэ в стихотворении «Друзья, настал нелепый век», и любой аульный или городской бедняк внимал этой песне так, как будто это были песни его собственного сердца.

Друзья! Настал нелепый век:
Здоровый — спит, калека —
ходит.

Быком по миру ходит бек,
А бык — под видом бека
ходит.

Кто вора выдаст головой —
Благословляется моловой.
Кази — кривой! Софи — кривой!
Дал¹ — вместо человека —
ходит.

¹ Дал — восьмая буква арабского алфавита, символ кривизны.

Нам ни к чему коран сейчас.
Слесец — не любит зрячих глаз
Наш пир — шайтан. Он любит нас.
Муфти — к девчонке некой
ходит.

Доносчик в каждый кош проник,
И в клевете погряз язык,
И Кеминэ уже привык,
Что грех главою века
ходит.

«Вы лжесвидетель, так трещит молва», —
утвержал Кеминэ в другом стихотворении, обра-
щаясь к продажным кази, для которых любое
судебное дело было прежде всего делом нажи-
вы. И всякий, кому пришлось столкнуться с
ханским правосудием, готов был повторить эти
слова:

Вы лжесвидетель, так трещит молва,
О, мой радетель. Ведь она права!
Вы продаете ложные слова,
Кему продать случится, мой кази!

Кеминэ не только обличал продажность и
преступность казиев и мулл. Он грозил им рас-
платой и предсказывал близость этого часа рас-
платы:

Вас похвалою Кеминэ убьет.
Скажу, вы клевета на мой народ.
У бедняков (расплаты час придет)
Враждой пылают лица, мой кази.

В знаменитом стихотворении «Нечто стран-
ное» Кеминэ высмеял пира Эр-Али, самого от-
вратительного представителя хивинских ров,
этих лжеучителей, которые, прикрываясь звани-
ем духовных наставников, на звон монет расце-

пивали буквально все — и честь, и справедливость, и закон, и любовь, и любые народные права:

В его норе припасены смрад и вонь.
Великой жадности его лют огонь,—

говорит Кеминэ, сравнивая пыра с навозным жуком:

Он поднимает лапки вверх,— только тронь,
Его молитвенный испуг — нечто странное.

Стяжав себе славу острого сатирика, Кеминэ в то же время был своеобразным и тонким лирическим поэтом. Народ полюбил и запомнил его песни про Огюль-бек, песню «О косах», его «Молодицу», «Мехрибан», «Эрсаринскую девушку» и многие другие. В этих лирических песнях утверждается радость жизни, утверждается право бедняка на любовь и на понимание красоты, право на счастье, которое должно принадлежать всем.

Спеши любить, когда расцвета сил достиг,
Воспоминание блаженных лет останется.
Играйте, милые, цените каждый миг —
И капля радости в пучине бед останется.

Мир, точно девушка, приятная на вид,
Для неудачников готовит сто обид.
Кочевники уйдут — и песня отзовется,
Но все же от колес в пустыне след останется.

И скажет Кеминэ: — Сомнений нет, умрешь,
Измученную плоть сухой земле вернешь.
Возьмут наследники твой опустевший кош,
Но сыновьям твоим весь этот свет останется.

Лирические стихи Кеминэ не отделены резкой чертой от стихов его сатирического цикла. Не

надо думать, что в нем жило две души: душа бедняка-сатирика и лирическая душа воспевавшая женской красоты и радостей жизни. Тонкий яд иронии легко различим почти в каждом его лирическом стихотворении. По умению мудро и тонко сочетать высокий лиризм с иронией Кеминэ не имеет себе равных в туркменской поэзии, превосходя в этом отношении даже Махтум-Кули.

Смотрите, идет стройна — не видит нас молодица.
Не хочет любви моей и в этот раз молодица.
О, хоть бы костер тоски во мне погас, молодица.
Что ад пред огнем твоих недобрых глаз, молодица!
Хотя бы на час приди: приди сейчас, молодица.

Кто видел тебя, тому лишенным покоя быть.
Я нищий, ты шах, тебе пристало такою быть,
А мне пристало твоим покорным слугою быть,
Мне плененным до смерти твоей красотою быть,
Кровавые слезы лить — вот твой приказ, молодица..

Развитие лирической темы в этом стихотворении традиционно. Подобное обращение к жестокой красавице мы найдем и у Молла-Непеса, и у Махтум-Кули, и у Шабендэ. Но лишь Кеминэ свойственна та усмешка, которой неожиданно заканчивается стихотворение:

Одежда твоя красна, отрада жизни моей,
Ты — пестрый тюльпан, а я — безумный твой соловей.
Вот косы чернее туч, вот лик, что луны светлей,
А я говорю: «Такою не будешь до склона дней
И вспомнишь, старухой став, ты свой отказ, молодица».

Пресловутый «яд языка» Кеминэ ясно ощущим во всем его творчестве. Зная это, мы не

должны удивляться, что до нас не дошло в рукописях или хотя бы в списках ни одно из его стихотворений. Писания Кеминэ (если они были) беспощадно должны были уничтожаться всеми мусульманскими переписчиками, так как в странах Средней Азии того времени перепиской ведали как раз те помощники мулл и сами муллы, против которых и была направлена гневная насмешка Кеминэ.

Муллы были вольны уничтожать рукописи поэта. Но не в их власти было изгнать Кеминэ из памяти народа. И бездонная эта, все вмещающая, народная память донесла до нас песни Кеминэ в неизмененном виде, как будто они были написаны вчера. Она же сохранила и «словечки Кеминэ», которые он охотно сам передавал аульным рассказчикам:

«Один из мулл, чтобы публично унизить поэта-бедняка, сказал ему, указывая на жука-наездника, ползущего с комком своей добычи через дорогу:

— Не правда ли, Кеминэ, этот извозник, точь в точь как туркменский бедняк, взвалил ношу на плечи и идет, воняет на всю дорогу?

А Кеминэ тронул жука палочкой, тот выпустил добычу и поднял передние лапки, ощущая воздух.

— Ошибаешься, мулла,— сказал живо Кеминэ,— это вовсе не бедняк, это мулла, я его остановил, а он тотчас поднял руки для благословения; верно, думал, я ему дам «бахшиш».

Подобных «словечек» Кеминэ записано в настоящее время больше сотни. Как и его стихи, они известны каждому туркмену с раннего возраста.

«Наш Кеминэ», «наш друг Кеминэ», — говорил сто лет назад аульный житель, слушая стихи и песни Кеминэ или рассказы о его жизни. И так же говорят теперь туркменский колхозник, и студент ашхабадского вуза, и ударник Кара-Богаз-Гола, и молодой туркменский советский поэт. И, говоря так, они утверждают бессмертие подлинно народной поэзии.

Эпос и песенный фольклор. Творчеством трех названных поэтов не исчерпываются богатства туркменской классики. Но в нашу задачу не входит давать подробное изложение истории туркменской литературы. К тому же основные мотивы поэзии Индалиба, Магруппи, Шабендэ, Шейдан, Мятаджи и других поэтов Туркмении во многом перекликаются с мотивами, которые нашли наиболее яркое выражение у Махтум-Кули. Разве лишь военная и патриотическая тема развита в стихах Зелили и Сеиди сильнее, чем в известных нам произведениях их наставника Махтум-Кули. Знаменитая переписка Зелили и Сеиди, в которой поэты оплакивают родину, терзаемую захватчиками и завоевателями, принадлежит к ярчайшим памятникам туркменской патриотической лирики:

Любовью удобренный мой огород,
Мне долго был радостью каждый твой плод.
На север, в Хиву, меня враг уведет,
Сегодня тебе говорю я: прощай!

К тебе убегал я от зноя, мой сад.
Вдыхал я душистый цветов аромат.
Любил Зелили твой зеленый наряд,
От тени твоей ухожу я, прощай!

Мой дом, ты открыт был всегда для гостей,
Ты слышал немало веселых вестей.
Уводят меня из-под кровли твоей.
Из двери открытой уйду я: прощай!

Вы, овцы, не скоро на вас я взгляну...
Верблюд, ты привез мне когда-то жену...
Прощайте, любимые, друг ваш в плену.
Вы, травы, ты, поле, — в плену я: прощай!

Придет на развалины друг мой, поэт,
Мой поздний от вас он услышит привет.
Скажите ему: Зелили уже нет,
Тебе передал он, тоскуя, прощай.

Балханы, и к вам Сеиди подойдет,
У вас, великаны, ответ он найдет.
В далекие страны дорога ведет,
Ты, край мой скалистый, иду я: прощай!

Ты, неба высокого синий шатер,
Прощай, мое небо, мой кончен простор.
Меж скал увидало ты черный шатер.
Сегодня всему говорю я: прощай!

Садовников новых я вижу вдали.
Кровавые ханы исчезнут с земли,
И вспомнит свободный народ Зелили,
И скажет он рабству, ликуя: прощай!

Гематически и формально весьма близки к классическим произведениям многие народные фольклорные романы (дестаны), бывшие наряду с классикой воспитателями художественного вкуса туркменских масс и выразителями их поэтического осмысления мира. Назовем такие популярные дестаны, как «Шасенем и Гариф», «Мелике-Дилярам», «Хурлуга и Хемра» и особенно геронический дестан «Гер-Оглы» («Сын Могилы»). «Гер-Оглы» широко известен и другим на-

родам Средней Азии — узбекам, таджикам, а на Кавказе азербайджанцам.

Фабулой всех этих дестанов обычно являются злоключения героев, вынужденных преодолевать всевозможные козни врагов и стеченье неблагоприятных обстоятельств.

Было бы бесполезным искать в дестанах сколько-нибудь полного отражения туркменской жизни того или иного времени. Это не реалистические романы в нашем понимании этого термина; каждый дестан свободно может рассматриваться как сборник лирических или назидательных (а чаще и тех и других) песен-монологов, исполняемых героями, испытывающими всевозможные — порой весьма неправдоподобные и прямо фантастические — превратности судьбы.

Реализм, как направление, не получил да и не мог получить сколько-нибудь полного раскрытия в туркменской классической и народной поэзии. Шариат и адат, регламентирующие туркменский быт, запрещали слагателю песен касаться целого ряда весьма важных сторон туркменской жизни. Особенности же родового строя с его предрассудками и закоренелыми обычаями не могли стать плодотворной почвой для критического осмысливания действительности, без чего невозможен реализм в искусстве. Лишь в сатирических песнях и сказках сказители и шахиры ближе всего подошли к тем позициям, с которых начинается действительное отражение жизни.

Возникший, по всей видимости, раньше и «Шасенем и Гариба» и «Мелике-Дилярам», «Гер-Оглы» имеет несколько иной характер, чем эти

последние. Если большинство народных романов могут считаться произведениями лирико-психологическими, то «Гер-Оглы» наделен всеми особенностями геронческого эпоса. В этом отношении культурно-историческая функция его та же, что у «Давида Сасунского» в истории армянской культуры или у русских былин в нашей народной поэзии.

По времени возникновения «Гер-Оглы» не является самым старым эпосом Туркмении. Он возник в XIV—XVI веках, а сохранились отрывки из большого цикла еще более ранних сказаний о мудреце старце Горкуде, зарождение которых относится к XI или XII веку. Но «Гер-Оглы», несомненно, самая живая и действенная из эпических поэм, бытующих в народе. Крупный английский ориенталист Ходзко сто лет назад писал: «Нет в Азии уголка, где бы не произносилось имя Гер-Оглы. Если слава и популярность литературного произведения определяется количеством его читателей, то Фирдоуси не более знаменит на Востоке, нежели «Гер-Оглы».

Вот краткое содержание того варианта «Гер-Оглы», который записан Ходзко. Запись произведена в Азербайджане, но тем не менее даже в этом варианте Гер-Оглы назван текинцем и знаменитый его конь Кыр-Ат, внук легендарного Дюльдяля, приведен из Туркмении. Эпос распадается на тринадцать отрывков-глав. В 1-й главе даны картины воспитания Кыр-Ата и рассказывает о причинах, побудивших Гер-Оглы стать предводителем отряда витязей. Гер-Оглы был жестоко обижен шахом Хункаром, ослепившим его деда и убившим дядю. Поклявшись

отомстить обидчику, Гер-Оглы становится во главе сорока удальцов, народных мстителей. Во 2-й главе воспет первый подвиг Гер-Оглы, поборовшего разбойника Дели-Хасана. В 3-й Гер-Оглы усыновляет юношу Овеза, поссорившись из-за него с предводителем арабских войск Реханом. 4-я глава—песнь о любви Гер-Оглы к ханской дочке Нигяр. В 5-й Нигяр и Гер-Оглы бегут из Рума (Константинополя) и Нигяр становится женой богатыря. 6-й отрывок посвящен беде, случившейся с конем Кыр-Атом; его похищают у Гер-Оглы, но в конце концов конь снова возвращается к хозяину. В 7-м отрывке Гер-Оглы борется с могучим турком. В 8-м Гер-Оглы встречает красавицу Перизад и расправляется со своим врагом Рыханом. В 9-й главе Гер-Оглы выручает из беды своего приемного сына Овеза. Но неблагодарный Оvez поднимает восстание против отца (глава 10-я). В 11-й и 12-й главах дается широкая картина борьбы, какую ведет богатырь с злым Були-пашей. Заключительная 13-я глава описывает смерть богатыря. Он был предан шахскими вельможами Алмазханом и Бехрам-ханом и казнен.

В вариантах, записанных в Туркмении позднее, есть много и иных эпизодов, и фабула развивается иначе, чем ее пересказал Ходзко. Но в любом варианте Гер-Оглы обрисован как заступник угнетенных и враг угнетателей, богачей и насильников. Робин Гуд туркменского народа, Гер-Оглы полон благородства в каждом поступке. Он беспощаден в бою, но его сердце открыто для самых чистых и высоких человеческих переживаний. Он пылок сердцем, доброжелателен и доверчив. Страшный в гневе, он способен

пощадить поверженного врага, но никогда не простит ни бессмысленной жестокости, ни жадности, ни подлости.

Гер-Оглы — излюбленный герой туркменского народа. Пронесенный памятью бахши через столетия, он ничего не потерял в своей притягательности для туркменского сердца и в наши дни. Сколько мы встретим стихов, написанных туркменскими советскими поэтами, в которых доблесть советских воинов, сражающихся с Гитлером, сравнивается с доблестью Сына Могилы. Образ коня Кыр-Ата тоже стал одним из излюбленных образов туркменской поэзии: «быстроног, как Кыр-Ат», «красив, как Кыр-Ат», «верен, как Кыр-Ат».

Чтобы дать представление об образном строении «Гер-Оглы», приведем в прозаическом переводе обращение богатыря к своему любимому коню:

«Я покрою поцелуями твою голову, о мой дорогой Кыр-Ат. Если бы нашёлся человек, который захотел купить тебя ценой своей души, то и эта цена для тебя была бы низкой. Я не жалею о деньгах, которые истратил на тебя, ни о зеленом клевере, ни о том беспокойстве, которое ты мне доставил, когда я думал, что ты пропал. Когда Кыр-Ат идет в битву, он ржет. Он пьет из тщательно выструганной чашки свежую ключевую воду. Я вырастил его из жеребенка. Он ржет, взбираясь на скалы. Я даю ему каждый вечер сорок мер зерна. О мой Кыр-Ат, живи долго и наслаждайся жизнью».

И еще отрывок:

«Я получил Кыр-Ата в битве. Он стремится к полю сражений, как стрела. Я украсил

его убор двумя бубенчиками, чтобы ему не было скучно в его конюшне. Бархатной попоны на его спину мало для него. Слова Гер-Оглы всегда подтверждаются его делами. Гер-Оглы умеет различать друзей от врагов. Серебряных подков с золотыми гвоздями слишком мало для коня Гер-Оглы...»

В формировании национального туркменского характера образ Гер-Оглы сыграл немаловажную роль как выразитель наиболее благородных черт народного мировоззрения и народной души.

Слепой дед Гер-Оглы, Джигалы-бек, говоря о самом дорогом, что должно хранить сердце каждого туркмена, обращается к внуку с таким наставлением:

Слушай, внук мой, слова мои:
Сыном родины стать сумей.
Смехом ничтожных, жалом змеи
Гордо пренебрегать сумей.

Холь и храни своего коня;
Честных ищи, к ним сердце клоня;
С подлыми не проводи ни дня,—
Их беспощадно гнать сумей.

Чутко старым людям внимай;
Зорко добро и зло различай,
Дело народа — твое, знай;
От родины не отстать сумей.

Ешь, но с голодным делись едой;
Смело саблей владей кривой,
Но, если враг беззащитен твой,
Кровью ее не марать сумей.

Слушай, что говорит народ,
Радуйся, коль тебя он зовет;
Но если бедный слезы льет,
Смех всегда обуздать сумей.

Так Джигалы-бек говорит:
Гость твой всегда пусть будет сыт;
В битвах ищи — где храбрый джигит,
Труса же не замечать сумей.

По форме эпос «Гер-Оглы» представляет из себя цикл песен, песяивающих прозаическое повествование. Такое чередование стихов и прозы можно считать традиционным для всех народных дестанов. И классики, обрабатывая народные сказанья, также свято блюли эту форму,— именно таким образом написаны романы Шабендэ: «Саят и Хемра», «Гюль и Бильбиль», «Кеджеб-Оглан» и др., роман Магруппи «Юсуп и Ахмед» и знаменитый роман Молла-Непеса «Зохре и Техир».

Народные дестаны занимают главное место в туркменском фольклоре. Ни отдельные исторические или лирические песни, ни прозаические сказки никогда не пользовались у туркмен столь безоговорочным и всеобщим признанием и не имели такого распространения, как дестаны о Шасенем и Гарибе или о страданиях мужественной и чистой девушки Мелике, жертвойющей собой ради блага других (дестан «Мелике-Дильярам»).

Из коротких лирических песен следует отметить ляле. Ляле — это девичьи песни, отдаленно напоминающие наши частушки, только ляле подчинены более строгим, нежели частушки, канонам системы образов и выдержанности лирической интонации. Форма ляле встречается и у других тюркских народов.

Как лимон, сады желты.
С веток падают листы.

Сердце бедное мое,
На шипы упало ты.

Золотой бы сливой стать,
В блюде милого лежать,
Стать бы алым кушаком,
Стан твой тонкий обнимать.

Я — гвоздика, сей меня.
Ветер, ты разведи меня.
Я рабыня, ты султан.
Поцелуй, убей меня.

Лаконичность образов и сжатость формы этих песен способствуют порой созданию такой поэтической выразительности, что иные из них могут выдержать сравнение с самыми совершенными лирическими произведениями книжной поэзии.

Для влюбленных в мире нет,—
Думал я,— ни зол, ни бед.
Я в огонь любви вошел,
Вышел, вижу, стал я сед.

Собиратель фольклора тюркоязычных народов Н. Лебедев считает это четверостишие за несенным в Туркмению из Малой Азии. Если это и так, приведенные песни тем не менее великолепно характеризуют качества словесного материала, хранителями и разносчиками которого были бахши.

Вошло в традицию, говоря о фольклоре народов Средней Азии, в первую очередь и преимущественно говорить о стихотворных произведениях, отодвигая на второй план прозу фольклора. Отсюда родилась версия об отсутствии у большинства народов Средней Азии традиции

художественной прозы. Будто бы после революции молодым советским писателям Туркмении Казахстана, Киргизии и Таджикистана пришлось строить прозу на пустом месте. Это неверно. Устные прозаические рассказы существовал в Туркмении с давних пор (так же как и в Казахстане, и у других среднеазиатских народов) И это не только сказки, но и бытовые и жанровые новеллы. Не забудем, что формой всея дистанов является проза, перемежающаяся стихами, и тот же эпос «Гер-Оглы» может и должен рассматриваться не только как стихотворное произведение, но и как произведение художественной прозы. Между тем забвение этого обстоятельства привело к тому, что фольклористы, записывая от бахши и сказителей песенный материал, пропускают, как нечто малоценнное, их прозаические сказки, обычно предшествующие исполнению песен. Художественная же ценность этих присказок велика, и туркменский слушатель определяет качество песни не только по ее песенному тексту, но и по тому, какое прозаическое оформление ее сопровождает. Происходит искажение народного творчества. Советский читатель знает песни и стихи народного поэта Туркмении Дурды-Клыча, этого туркменского Джамбула, но читатель не предполагает, что Дурды-Клыч также и прозаик. Прежде чем начать петь, он обычно ведет устный живой рассказ и только когда убедится, что внимание слушателей должным образом подготовлено, приступает к песне. Так же поступает и Джамбул; то же самое делал и Сулейман Стальский.

Прозаический фольклор Туркмении весьма разнообразен. Конденсатор народной мудрости —

житейской наблюдательности, он может быть примером для советских туркменских прозаиков в деле построения сюжета и ведения диалога. Ведь основными элементами всякого фольклорного рассказа — будь то фантастическая сказка или жанрово-бытовая новелла о хитреце Алдар-Косе, или анекдот о Кеминэ — всегда являются описание сложно развивающихся событий и диалог, выразительный, острый и короткий. Заметим тут же, что диалог народных устных рассказов явился тем зерном, откуда в советских условиях стала расти пьеса — жанр, в туркменской литературе до революции отсутствовавший. И — что самое главное — именно в этих прозаических, «оформляющих песню», рассказах больше и непосредственнее всего сказалась реалистическая струя народной поэтической мысли, не нашедшей своего выражения в большинстве дестанов.

Таковы в общих чертах явления художественного слова, бывшие той атмосферой, какой дышала при своем возникновении молодая много-жанровая советская литература Туркмении.

НА ЗАРЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1

Туркмения до революции была аульной страной, и подавляющее большинство ее современных деятелей — в том числе и литераторы — выходцы из аула. В ауле же до 1917 года, а в целом ряде мест и значительно дольше, безраздельно царили обычай и порядки, обусловленные родовым строем. В каждой семье полновластным распорядителем судеб домочадцев был хозяин; молодежь не допускалась в общество старших; женская половина составляла как бы особый мир, будучи совершенно изолирована от общества мужчин. Но вся семья в целом обязательно была втянута в племенную и родовую рознь, раздиравшую туркменский народ.

Как все это сказывалось в быту, пусть расскажут воспоминания Чары Аширова, одного из молодых советских писателей Туркмении, чья биография весьма типична для людей его поколения.

«В ауле, где я жил, — рассказывает Аширов, — один раз произошла ссора из-за воды, перешедшая в свалку, во время которой был убит родственник раздатчика воды — мираба. Убийца оказался родичем моего отца. Опасаясь кровной мести, часть аула решила переселиться на новые

места, и мой отец с ними. За дорогую плату на новом месте ему удалось купить пай воды. Отец обработал кропотливо и тщательно свой участок, но, когда пришло время полива, главари аула отказались ему отпустить воду. Ведь он был переселенец, человек чужого рода, а воды в тот год было мало. Тогда отец и его родственники решили взять воду силой. У головного арыка произошла свалка. На помощь нашим родственникам подоспели жители соседнего аула, давно враждовавшие с родом мираба. Отец убил мираба, но в кровавом столкновении и сам он и все старшие в нашем роде тоже были убиты. Мать осталась одна с детьми. Что ей было делать на новом месте, где всех нас ждала месть? Оставалось одно — возвращаться в родной аул, но и там тоже нас поджидала кровная месть. Тогда мать решилась на героический поступок. Она взяла обоих малолетних сыновей, одним из которых был я (старший брат был убит в свалке), и вернулась в родной аул.

«Вот убейте сейчас одного из моих сыновей,— сказала она старейшинам аула,— и освободите мое племя от мести. Тогда хоть последний сын будет расти спокойно».

Мы с братом были так малы, что кровники пожалели нас.

«Ладно,— сказали они,— живите попрежнему с нами, только не попадайтесь часто на глаза, чтобы у кого-нибудь из наших родственников не родилось желание убить твоих сыновей, когда они подрастут».

Это происходило в 1914 году в ауле, расположенному в непосредственной близости от столицы края Ашхабада.

Хозяйство туркменского земледельца до революции определялось не количеством земли (с какой пустой земли кругом было много), ежесуточным пайком воды, отпускающейся для полива. Вода ценилась дороже золота и уж конечно, дороже человеческой крови. Претендовать на воду имел право только мужской представитель семьи и то лишь в том случае, если был женат. Отсюда — ранние браки, когда порожених и невеста еще не умели твердо стоять на ногах и не умели говорить. Отсюда же и рост издольничества и батрачества. Бедняку самостоятельно уплатить дорогой калым за невесту обычно было не под силу, и часть калыма внес сил бай. Но за оказанную помощь бай требовала с бедняка либо доли его воды, либо рабочих рук либо и того и другого вместе. И вот первенец бедняка, отрабатывая отцовский долг, становился байским батраком — подпаском. Едва ли не младенцем он уходил в пески к байским стадам. И случалось, оставался там десятилетиями, не видя и не зная ничего, кроме баранов да волка да старшего пастуха. Нередко юноша рос в песках до восемнадцати — двадцати лет, не зная ни о чем, что творится в мире; он не знал о существовании Европы, не слышал, что началась мировая война, когда шла мировая война, не предполагал даже о существовании таких вещей, как железная дорога, газета, электричество. Он берег стадо, играл на тюйдуке и слушал песни, сочиненные Махтум-Кули или Кеминэ, которые на досуге пел пастух.

Вот что рассказывает о своих детских годах современный поэт Туркмении Раҳмет Сейдов:

«Точного года рождения не знаю. Говорят, что я родился в 1910 году, но, может быть, и позднее или раньше. У туркмен был обычай начислять детям лишние годы, чтобы обмануть судьбу, если та задумала какую-либо каверзу на определенный год жизни ребенка. Отец мой был батрак, мать ковровщица у бая. Отец умер рано, мать ослепла; я стал батраком-подпаском. В 1923 году бай, испуганный победой революции, задумал перегонять стада в Афганистан. Я услышал об этом и решил скрыться. Припрятал хлеба, воды и ушел в пески, но люди бая проследили и вернули меня обратно. До 1925 года я кочевал с баев, не знал и не слышал ни о чем, что творится в мире. Однако понаслышке я знал о существовании книг и мечтал, что когда-нибудь стану ученым. Грамоты я не знал, но, уходя в пески, чертил на барханах кружочки и черточки, воображая, что пишу ученую книгу...»

Другой современный поэт Туркмении Помма Нурбердыев родился не то в 1909 году, не то в 1914-м. Ни отца, ни матери не помнит, был вскормлен у чужих людей козьим молоком. Когда он впервые смог сесть на лошадь, его отдали к баю в подпаски. До 1926 года жил в песках. Любимым развлечением его было слушать стихи Махтум-Кули, который, вместе с Кеминэ, на всю жизнь остался его любимым поэтом. Грамоты он не знал. Но слух о том, что большевики открывают школы и бесплатно учат всех, дошел до него. Он убежал от бая и был принят в интернат.

Так проходили детские годы большинства современных писателей.

Положение девушек было и того горше. За проданные жениху с младенчества, они не покидали пределов аула до момента замужества, когда становились собственностью мужа и не имели даже права раскрыть рта при постороннем человеке.

Октябрьская революция и первые мероприятия ее по проведению земельно-водной реформы покончили с диктатурой мирабов, раскрепостили земледельца от власти безводья и разбили стену, стоявшую между аульной молодежью и миром. По сути они сокрушили основы, на которых визжался адат. Колхозное строительство 1928—1932 годов завершило дело, начатое водной реформой, и повело решительную борьбу с байством, которое не только не ослабило, но усиливало в те годы сопротивление революции.

2

Революция пришла в аул не только как раскрепоститель от диктатуры родовых ханов и старейшин рода, не только как освободитель от вековой нужды и векового бесправия, но и как вестник культуры и просвещения. О том, чему и как учились до революции редкие счастливцы, которым удавалось попасть в начальную аульную школу,— нам расскажет тот же Аширов, историю детских лет которого мы привели выше.

«Ишан взял в руки книгу,— рассказывает Аширов,— написанную на непонятном арабском языке непонятными арабскими знаками, и стал ее читать вслух. Ученики слово за словом повторяли, не понимая, то, что он читал.

Я тоже не понимал ничего и плакал. Это была «Хафтиака», первая учебная книга мусульманской школы, выборки из корана. Когда мы заучили наизусть «Хафтиаку», перешли к корану. Читали его так же, как «Хафтиаку», — не понимая, заучивали наизусть то, что читал ишан, потом брали книгу и, повторяя заученное, угадывали, как пишется то или иное слово. Через долгое время и после томительного каждодневного взглядывания в арабские письмена я стал догадываться об основах арабского алфавита. Но все же читать мог только ту книгу, какую знал наизусть. За кораном следовал «Роумок ель ислам» — религиозная книга в стихах. Одолев «Роумок», перешли к стихотворным творениям Соопы Аллаяра. Они были написаны таким образом, что каждый стих начинался с простого обыденного слова, а чем ближе к концу стиха, тем слова становились торжественней и звучней.

Школьный курс кончался чтением Навои и книг Бядиля. Потратив несколько лет на заучивание их, я стал разбираться в арабском алфавите и узнал много арабских и фарсидских слов, но я не знал ни географии, ни арифметики, ни основ своего собственного туркменского языка и ни слова не знал по-русски».

Мектеб — начальная мусульманская школа; отдельные же удачники получали и «высшее» образование. В бухарских или хивинских медрессе студенты знакомились и с начатками «светских знаний» — математикой, географией, историей, изложенными, конечно, в полном соответствии с догмой корана.

Революция резко покончила с неграмотно-

стью. Редким мусульманским мектебам она первых лет противопоставила многочисленные школы лихбеза, передвижные «красные кибитки» и детские интернаты, ставшие колыбелью новой культуры для большинства будущих литераторов.

Рахмет Сеидов, продолжая рассказ о своей жизни, говорит:

«Я жил у бая до 1925 года, когда от одного проезжего туркмена услышал, что большевики открывают в аулах школы и учат детей бесплатно. Я задумал бежать, но всякий раз люди бая возвращали меня. Но вот один раз бай сам помог мне. Он нагрузил на ишака мешок муки и сказал:

«Отвезешь эту муку пастухам в дальние пески».

А это было совсем недалеко от границы. Я повернул осла в сторону Серахса и скоро добрался до советского поселка. Там меня сразу приняли в интернат, и я стал учиться грамоте. Мне было тогда шестнадцать лет. Через год меня послали в педтехникум. Экзамен был простой. Спросили:

«Читать умеешь?»

«Умею».

«Сколько ног у курицы, сочтешь?»

Я засмеялся:

«Не ошибись, небось, у курицы не десять ног».

Такая была нужда в учителях, что в педтехникум брали каждого умевшего читать и считать.

Через четыре года я уже был учителем и учил грамоте пастухов у колодца Ширам-Кую.

А тут снова вспыхнуло басмачество. Меня назначили инструктором райкома пограничной зоны. Вместе с Красной Армией я сражался против бандитов. Комиссар полка на отдыхе читал мне разные книги и рассказывал о жизни в других странах. Он сильно помог моему образованию. Первые стихи я стал складывать еще в школе для стенгазеты. Потом попробовал послать в журнал «Токмак», — напечатали. Это были очень плохие стихи. В школе я написал и первую пьесу «Борьба» для драматического кружка. Я не знал, как надо писать стихи и пьесы. Но газеты читал и перекладывал в стихи то, о чем писали в газетах. В 1931 году попал в Ашхабад и стал печатать агитационные стихи в ашхабадских газетах. Читал узбекских и татарских писателей. Так понемножку и научился писать стихи. Первое настоящеестихотворение я посвятил открытию Басса-Керкинского канала. А первая книга моя вышла в 1938 году».

Основную роль в подготовке кадров будущих писателей в годы 1919—1927 сыграло, — помимо широкого развития сети начальных и средних школ, — зарождение национальной прессы и организация передвижных драматических агитколлективов, постоянно нуждавшихся в злободневном литературном материале.

Газета и драматические кружки — вот первые пестователи туркменской письменной литературы, зарождение которой нужно отнести к 1925—1929 годам. Именно в эти годы начинают появляться в печати первые стихи тех поэтов, которые сейчас представляют собой лицо туркменской поэзии.

С этого периода и можно было бы начинать историю туркменской советской литературы, если бы еще задолго до того, как стали выходить туркменские газеты и, следовательно, создаваться условия для возникновения печатной литературы, революция уже не нашла свой первый поэтический отклик в творчестве народных шахиров, привыкших обходиться без печатного станка и не нуждавшихся в нем.

Поэтическая традиция, начатая Махтум-Кули, не оборвалась со смертью Молла-Непеса или Кеминэ. Конец XIX века отнесен именами шахиров Ашики, Мятаджи (1824—1884), Талиби, Мискин-Клыча и некоторых других. Первые десятилетия двадцатого столетия тоже знали своих шахиров. Те из них, кто дожил до революции, своими глазами могли увидеть перемены, произошедшие в жизни народа после Октября. Они видели, как революция самым непосредственным образом коснулась каждого туркмена. Они видели борьбу большевиков против денкинцев, Джунайда, интервентов и басмачей, в которую были втянуты все аулы. Они были свидетелями того, как революция поставила на пересмотр вопросы, казавшиеся прежде решенными раз и навсегда. Они убедились, что вопросы родовых и семейных устоев, вопросы религиозные, хозяйственные, вопросы внутриаульных социальных отношений, вопросы человеческих судеб, наконец, не только не решены навечно шариатом и адатом, но подлежат немедленному и радикальному перерешению.

Будучи всеми корнями связаны с аульным дайханством, свято блюдя наставления великих поэтов прошлого о том, что во всем и всегда

надо итти вместе с народом, большинство шахиров, оказавшихся свидетелями революции, безоговорочно встали на сторону народа и подняли голос против его врагов.

Этих-то шахиров мы и должны считать фактическими зачинателями советской литературы. Выступая на заре советской эпохи со стихами—приветствиями революции или со стихами—проклятиями прошлому, Муххамед-Клыч (Бичарэ), Молла-Мурт, Кер-Молла, Байрам-шахир, Дурды-Клыч и другие народные шахиры как бы предопределили путь, на который позднее ступят поэты-профессионалы, в те годы еще только ликвидировавшие свою неграмотность или лишь готовившиеся к тому.

3

Муххамед-Клыч (Бичарэ). Октябрьскую революцию Муххамед-Клыч встретил вполне зрелым человеком; в 1917 году ему было тридцать два года. Сын земледельца из аула Гяурс, он еще мальчиком попал в батраки к своему дяде, жившему в Аннау, близ Ашхабада. Старику понравился смышленный племянник, и он определил его сперва в мектеб, а потом в медрессе Мамед-Шерий-Ахуна.

Муххамед-Клыч курса не окончил, но все же по праву мог считаться весьма образованным человеком. Преподаватель мектеба, он на досуге занимался сельским хозяйством, литературой, музыкой и пением. Когда с приходом советской власти в Ашхабаде открылись учительские курсы, Муххамед-Клыч, невзирая на возраст, снова сел на школьную скамью и потом, вплоть

до самой смерти (1922 год), преподавал в аульной школе.

Он с ~~ранних~~ лет полюбил поэзию и прочел все книги, какие только мог достать в медресе. Особенно ему был близок Мятаджи, председатель традиции Кеминэ. Возможно, что именно традиция Кеминэ — Мятаджи и подсказала Муххамед-Клычу принятый им псевдоним Бичарэ, что значит — бедняк.

Главное свое произведение, лирическую поэму, написанную еще до революции, Муххамед-Клыч тоже озаглавил «Бичарэ» («Бедняк»). Поэма посвящена печальной судьбе туркменской девушки, разлученной с женихом и проданной богатому баю в дальний аул. Поэт сам был бедным человеком и сам в свое время был разлучен с девушкой, проданной в далекий аул. Поэтому многие строки поэмы звучат как страстная и горестная лирическая исповедь автора. Торжество зла, которое Бичарэ видел во всем, ссобщало его дореволюционным произведениям весьма мрачный колорит. В ряде стихов он прямо говорит, что не видит выхода из положения, в какое попал его народ. Можно жаловаться, но что толку? Ведь сетования бедняка не услышит никто:

Бедняки рыдают, но плач их бесцелен,
Не знают они, куда им пойти со своим плачем...

Не знал этого и Бичарэ.

Жестокость баев вышла из границ.
Власти плохи,
Руки и ноги мусульман связаны без веревок...

Одно время он верил, будто причина всех бед — в народной темноте. В распространении

образования он стал искать спасения от всех зол. Сохранилось несколько стихотворений его на эту тему; но скоро он сам высмеял эти надежды:

Вот, друзья мои, если вы окончите старый туркменский мектеб,
Сколько бы вы ни мучились, в конце концов вы
останетесь нищими.
Вы не станете имамами в богатых мечетях,
Учитесь, но все равно в конце концов вы останетесь
нищими.

(Из стих. «В конце концов вы будете нищими».)

Приход революции Бичарэ приветствовал, как давно желанного освободителя и друга. Ранняя смерть помешала ему внести сколько-нибудь значительный вклад в советскую поэзию, но и тех немногих стихотворений, что им написаны за годы 1917—1921, достаточно, чтобы имя Бичарэ осталось в истории туркменской литературы, как имя одного из ее зacinнателей.

Молла-Мурт. Молла-Мурт — представитель того же поколения, что и Бичарэ. Он родился на родине Кеминэ, в Серахсе, в 1879 году и так же, как и Бичарэ, стремился продолжать традицию своего знаменитого земляка,— пел о тяготах жизни и высмеивал баев, ишанов и мулл:

Ты ворам, как гостям, дал приют и кров.
В страхе все, и не слышно правдивых слов.
Чем утешить ограбленных бедняков?
Взятку взяв, бедноту ты бьешь, Менглихан!

Бедняку всю душу сжигаешь ты,
Ту, что венчана с ним, отнимаешь ты,
Жадных тигров и львов насыщаешь ты,
По пути шайтана идешь, Менглихан...

(Стих. «Менглихан».)

Естественно, что стихи, подобные приведенным, не могли снискать поэту расположение байской верушки туркменского общества. Но тем больше была популярность Молла-Мурт среди бедняков, хорошо знаящих, что такое произвол многочисленных аульных «менглиханов».

Молла-Мурт остался в памяти туркменского народа, как достойный наследник старых поэтов-демократов XIX века. Однако справедливость требует сказать, что поэт не сразу определил свою позицию. На первых шагах творческой жизни Молла-Мурту не была чужда и другая традиция восточной поэзии, прямо противоположная просветительному демократизму, определявшему деятельность почти всех поэтов «золотого века» туркменской классической литературы. Мы имеем в виду традицию славословий — касыд.

В дореволюционном прошлом иные из шахиров, ненавидя и презирая сильных мира сего, не брезговали в то же время слагать в честь их хвалы, растрачивая свой стихотворный дар в холодных и изысканных одах-касыдах. Это делалось как в целях заработка, так и в целях самосохранения. Бай или сердар, выслушав песню, где его имя сравнивалось с быстроно-гим скакуном или с благоуханным нарциссом, обычно щедро одарял певца и позволял ему беспрепятственно бродить из аула в аул. Откупившись таким образом от бая, шахир в ки-

битке бедняка пел совсем иные песни, бичующие баев, ишанов и ростовщиков.

Традиция кассыд-славословий восходит к весьма древним временам. Полные блеска со-звучий, сложных аллитераций и исхищренных рифм, оды-кассыды создали славу многим поэтам народов Средней Азии: Муиззи (XI век), Амаку Бухарскому (XII век), Рашиду Ватвату (XII век) и другим и нашли наиболее завершенное свое выражение в творчестве Аухададина Анвари (XII век). Форма в кассыдах решительно преобладала над содержанием. Будучи откровенно придворной, «льстивой» поэзией, кассыда привлекала поэтов возможностью проявить свое формальное мастерство, являясь для них как бы школой версификаторского совершенствования. Е. Э. Бертельс в работе «Литература народов Средней Азии» приводит как пример высшей виртуозности владения стихом одну строчку из кассыды фарсидского одописца Муиззи (даем ее в русской транскрипции):

Маль-о, халь-о, саль-о, Фаль-о,
асль-о, наслъ-о, тахт-о бахт...

что в русском переводе значит:

«Да будут по твоему желанию вечны во время твоего царствования и богатство, и положение, и предзнаменования, и счастье, и потомки, и предки...»

Тюркская, а позднее туркменская, поэзия, наследуя от арабской и фарсидской поэзии Ирана многие их особенности, перехватила и традицию кассыд. Правда, эта традиция не заняла в

творчество лучших туркменских классиков сколько-нибудь значительного места. Но сине все же существовала и время от времени давала о себе знать.

Имеются указания, что в ранней юности Молла-Мурт тоже не отказывался порой складывать стихи по заказу того или иного из родовых старейшин. Однако он весьма скоро осознал всю губительность пути, на который его толкало некритическое отношение к некоторым обычаям и традициям прошлого, и все последующее творчество Молла-Мурта может служить примером демократической выдержанности и принципиальности.

Октябрьскую революцию поэт принял безоговорочно с первого ее дня. Он стал неутомимым пропагандистом нового социального строя. Один из образованнейших людей своего поколения, он не уставал призывать аульную молодежь к активному участию в революционных событиях и особенно ратовал за скорейшую ликвидацию вековой аульной темноты.

Двери школы открыла советская власть,
Темных снов летучая мышь унеслась,
Над страной заря просвещенья зажглась.
Сыновей, дочерей своих обучайте...

(Из стих. «Окадын».)

Молла-Мурт считал себя обязанным откликаться на каждое мероприятие советской власти, на каждое событие, волновавшее город или аул. Молодой туркменский литературовед Аман Кекилов, характеризуя творчество Молла-Мурта тех лет, говорит:

«Творчество Молла-Мурта всегда злободневно. Он писал о режиме экономии, о соцсорев-

новании, о займе, о самокритике, о сберкассах, о союзе кошчи, о саранче, о земельно-водной реформе, о значении газеты, о партийной чистке; он выступал против антисоветских элементов, против пережитков прошлого, против продажи девушек. Одним словом, нет такой области жизни, которая ускользнула бы от взгляда этого наблюдательного, умного поэта. Поэт немедленно живым словом откликался на любое мероприятие, проводимое партией и правительством, и в этом отношении его можно сравнить с Маяковским».

С возникновением туркменской прессы Молла-Мурт становится первым туркменским профессионалом-журналистом, активно сотрудничая в газете «Туркменистан» и в журнале «Токмак». Смерть рано прервала его работу, но современные писатели Туркмении многим обязаны этому деятельности и талантливому человеку, оказавшемуся живым звеном, связавшим традицию народных шахиров с зарождавшейся письменной литературой.

В духе народных песен написаны Молла-Муртом все стихи революционного периода, начиная с первого его стихотворения времени революции — «Совет»:

Не слушай слово: рай от мулл,
Не слушай, что ишан сболтнул,
Он всякого, кто верит, обманул,—
Так повелось от давней старины...

кончая наиболее популярными его произведениями советского периода: «Туркменской девушке», «Свобода», «Красной Армии», «Иди же», «Ленин».

Дурды-Клыч. Народный шахир Дурды-Клыч родился в восьмидесятых годах прошлого столетия в одном из аулов Хивинского ханства, в семье батрака, работавшего на байских полях. Неграмотный, слепой, с малых лет он полюбил песни бахши и заучил наизусть не одну тысячу строк, какие распевались захожими певцами по аулам и кишлакам. В скором времени он и сам стал складывать песни и еще юношей приобрел известность как искусный певец и поэт. На гулянках, на тоях песни Клыча пользовались таким успехом, что его почтили прозвищем «второго Кеминэ». В своих выступлениях молодой шахир строго соблюдал традиции устной поэзии Востока: песням он предпосыпал короткие прозаические рассказы, сатирические новеллы или метко схваченные жанровые сценки.

В аулах до сих пор помнят «Чай», «Шубу», «Чигирь», «Чатму» и некоторые другие ранние произведения Дурды-Клыча. В популярной песне «Чатма»¹ поэт с грустной ironией воспевал жилище бездомного бедняка:

С Ташаузом пришлось проститься нам,
Пристанищем осталась мне чатма
(Не рыскать же, как зверю, по пескам).
Ты душу истерзала мне, чатма.

Могилою покажется чатма,
Коль издали взглянуть... тоска и тьма.
Не нужно ветра, упадет сама
Мне душу истерзавшая чатма.

¹ Чатмой называется шалаш, построенный из саксаула и сухой травы.

А внутрь заглянешь — и шагнешь назад.
Темно и смрадно. Это сущий ад.
Но ведь бедняк и аду будет вад,
Коль негде жить. О тесная чатма!

Из веток стены, и сучки торчат.
Войти захочешь — изорвешь халат.
Захочешь вон — и вновь порвешь халат.
Ты сердце рвешь мне, грязная чатма.

Начнется дождь, — залезешь в уголок.
— Откуда льет? Ведь сверху потолок.
Зашел бы ты зимой ко мне, дружок,
Узнал бы, что за крепкий дом чатма.

Чуть ветерок — дом ходит взад-вперед.
Сдержать попробуй — руки издерет.
— Сиди, — велит, подняться не дает
Драчунья неприютная чатма.

Она велит мне хмуриться всегда,
На щеки слезы гоцит. Ой, беда,
Бурана свист. Где ж лягу я, когда
Повалится в колдобину чатма?

Другое стихотворение того же цикла — «Чигирь». Чигирь — колесо, поднимающее воду из распределительного арыка или из реки на поля. У богачей чигирь вертит верблюдов или лошадь, бедняку приходится самому впряженяться в оглобли, врачающие колесо.

Твой дробный шум всегда в моих ушах,
Твой скрип мешает видеть сны, чигирь.
Хоть долго я работал — делò швах,
О, сколько мук из-за тебя, чигирь.

Мечась по кругу, я подметки сбил,
На грош последний я тебя купил,
А все ж мне до воды, как до ночных светил.
О, сколько мук из-за тебя, чигирь...

Популярность Дурды-Клыча была тем больше, что в стихах и песнях о темных сторонах аульного быта он никогда не впадал в пессимизм. Ирония, шутка, подспудная жизнерадостность всегда была подтекстом самых бы, казалось, безнадежных и мрачных песен слепога поэта.

Дурды-Клыч складывал также и лирические стихотворения, используя для них формы и образы, присущие туркменским и отчасти таджикским классикам.

Революция застала Дурды-Клыча в Хорезме. Певец обездоленных, он без колебаний встал на сторону народа и смело поднял голос в защиту революции.

Басмаческий вождь Джунайд-хан решил переманить к себе популярного шахира. Он сулил ему подарки, грозил местью, — все напрасно. Тогда он послал отряд разбойников, и Дурды-Клыч был схвачен.

— Будешь складывать песни против большевиков и советской власти? — спросил Джунайд.

Дурды-Клыч молчал.

Его соблазняли дарами, его били, — он продолжал молчать.

Его бросили в темницу. Пятьдесят два дня томился поэт в яме, каждый день ожидая казни. Но воля к свободе оказалась сильнее стен тюрьмы. Слепой певец бежал и, явившись в красноармейскую часть, заявил, что отныне его голос принадлежит армии большевиков, он пойдет с ней туда, куда велит революция. Вместе с отрядами Красной Армии Дурды-Клыч побывал и в Ташкенте, и в Пишпеке, и в Казах-

стане. Всюду он был пламенным агитатором за революцию, за борьбу против басмачей и баев.

После гражданской войны Дурды-Клыч вернулся в родной аул и стал прославлять новую жизнь, вовсе не предполагая, что его бесхитростные песни о пережитом и перечувствованном, подсказанные любовью к народу и ненавистью к врагам, кладут начало советской поэзии, являясь новым словом в истории развития туркменской культуры.

Стихи, прославляющие революцию, перемежаются в творчестве Дурды-Клыча со стихами — проклятиями прошлому.

Сопоставление прошлого и настоящего, сравнение ушедшего зла с наступившим «добром и светом» на долгие годы становятся основным мотивом творчества Дурды-Клыча, а также и других советских поэтов Туркмении.

В пыли, внизу, в ногах судьбы,
Веками жили бедняки.
Тиранам надобны рабы,
Рабы у баев — бедняки.

Да, вырос в волка байский класс,
А стать овцой заставил нас.
Но вождь наш Сталин в добрый час
Нас вывел к свету, бедняки.

Как солнце — мысль большевика.
И вот рабочего рука
Пожала руку батрака:
Объединились бедняки.

Класс баев пылью стал, песком.
Враги заснули мертвым сном,
И жизнь цветет в краю родном,
Землей владеют «бедняки».

С тех пор — отрадней что ни год:
Без баев — лучше рис растет,
В пустыне — выстроен завод.
А кто хозяин? Бедняки!

Перебирай, что хочешь ты:
Дутара струны, книг листы,
Направили на путь мечты
Коней дайхан большевики.

О, я живу в такой стране,
Что думаю: не снится ли мне?
Тут самый бедный — на коне.
Имеют банки — «бедняки».

Я, Дурды-Клыч, сложил дестан
Про величайшую из стран,
Где каждый светом осиян,
Где всем владеют — «бедняки».

(Из стих. «Бедняки».)

Наибольшую художественную ценность представляют многочисленные бытописные стихи-песни Дурды-Клыча, воскрешающие характерные картины прошлого, канувшего навсегда. В этих стихах Дурды-Клыч особенно близок к реалистическому письму сатириков XIX века.

...За гурт овец и дряхлого коня
Отец отдал чужой семье меня.
Лепешки ели гости у огня,
Вот что тогда увидела я, братья.

Наехали советчики, кричат.
Родители (будь прокляты) молчат.
Благословляют брачный стол — сачаг.
Вот что тогда увидела я, братья.

И женщины пришли за мною в дом.
Мне слезы утирали впятером,
Мне подвели верблюда под седлом,
Вот что тогда увидела я, братья.

Веселый хор пел о моей судьбе,
Соревновались в скачке и борьбе,
Стреляли в цель, ища наград себе.
Вот что тогда увидела я, братья.

Потом начался пир под струнный звон,
Стол яствами был тяжко нагружен,
Был байский сын особенно почен.
Вот что тогда увидела я, братья.

Все на меня глядели. То не сон,
От жениха мне принесли поклон.
Согласья — видите ль — желает он.
Вот что тогда увидела я, братья.

И гости сытые ушли в аул.
Один остался. На меня взглянул.
И скинул шапку... и ко мне шагнул...
Вот что тогда увидела я, братья.

Три женщины шептались меж собой.
Мальчишки к щелям кинулись гурьбой.
А мною овладел чужой, чужой.
Вот что тогда увидела я, братья.

(Из стих. «Пережитое».)

Буржуазные националисты всячески замалчивали Дурды-Клыча, не записывая и не печатая его стихов. Но после того, как враги были разоблачены, имя Дурды-Клыча стало достоянием туркменского народа, как имя поэта, связавшего демократическую поэзию классиков с молодой советской поэзией.

Дурды-Клыч, подобно другим представителям устного творчества народов СССР — Джамбулу, Сулейману Стальскому, Фекле Беззубовой, Цугу Теучежу, Ислам-Шаиру, Шелиби, Токтогулу Сатылганову, Фарраху, является в такой же мере представителем советского фольклора,

как и деятелем профессиональной литературы. Творческая работа этих народных поэтов знаменует то сближение между фольклором и художественной книжной литературой, которое столь характерно для нашей поэтической культуры.

Ата-Салих. Именами названных шахиров не исчерпывается современная устная поэзия Туркмении. Туркменский колхозник знает и любит и Байрам-Шахира, и Берды-Нияз-Долихан-Оглы, и Шахнияза-Оглы, и Яз-Кули-Бахши, и Курбанмамеда Оразметова, и Ходжа-Кули, и Ата-Салиха, и других. В последнее время широкую известность приобрел шахир Нури Аннаклыч. Мы не останавливаемся на их творчестве, так же как не останавливаемся и на творчестве старейшего из названных шахиров Кер-Моллы, так как их произведения в основных чертах повторяют или напоминают мотивы и приемы *Дурды-Клыча*, *Молла-Мурта* и *Бичарэ*.

Я хочу в Москве побывать,
Я хочу Москву повидать.
Светлый Сталин, тебе в Кремле
Спеть хочу о своей земле.

Расцветает в садах Кызыл-Гуль,
Распевает о ней соловей,
Но тебя я воспеть смогу ль
Самой звучной песней своей?

Где душил нас полуденный зной,
Издыхали верблюды в пути,
Стало жить сейчас — как весной
По цветущему саду итти.

Сталин, солнце мое, это ты
В тьму земли нашей кинул свет.
И взошли золотые цветы,
И бесценные зреют плоды,
Я хочу ѿ садовнике петь.

Славу соколу я пою,
Что без промаха бьет в бою.
За него хочу грудью встать,
Чтоб проклятых врагов растоптать...

(Из «Песни о Сталине»
Оразметова Курбанмамеда.)

Имеет смысл несколько ближе познакомиться лишь с работой весьма одаренного молодого шахира Ата-Салиха. По возрасту он принадлежит к поколению тех младших туркменских литераторов, которые явились зачинателями письменной советской поэзии; по характеру же творчества и по поэтической традиции он, несомненно, ближе к Дурды-Клычу и Нури-Аннаклычу, чем, скажем, к Берды Кербабаеву, Кара Сейтлиеву или другим современным деятелям туркменской письменной поэзии. Ата-Салих вынужден слагать свои песни устно, потому что из-за слепоты он остался неграмотным. Но физический недостаток не помешал ему с самых ранних лет принимать непосредственное участие в революции. Он работал в частях Красной Армии, был специальным корреспондентом военной газеты «Кизым Кошун», активно сотрудничал в сатирическом журнале «Токмак», постоянно выступает на радио и принимает деятельное участие в работе Союза советских писателей Туркмении. По темпераменту и всему складу творчества он поэт-трибун и агитатор. Во время обостренной классовой борьбы

бай ненавидели его такой лютой злобой, что «превратись их глаза в пули,— рассказывает поэт,— они бы застрелили меня одним своим злобным взглядом».

Ата-Салих не является новатором формы. Слабо владея русским языком, он остался вне какого-либо воздействия русской поэзии, но «приросший к народу сердцем», он умеет насытить традиционный туркменский стих динамикой социальной страсти и политической острой. Песни Ата-Салиха о Красной Армии широко вошли в обиход туркменского народа:

Если б свет проник
в глубь очей моих,
Я бы в тот же миг
был в рядах твоих.

Не жалел бы своих
сил Ата-Салих.
Твой сплоченный вид
сердце мне веселит...

(Из песни Ата-Салиха «Красная Армия».)

Не менее популярен его же «Гимн комсомолу»:

Наша гордость, наша мощь —
Боевая молодежь.
Будьте выдержаны, богаты,
Краснозвездные ребята...

По степи летит твой конь,
Конь, горячий как огонь.
От Москвы и до Китая
Льется песня боевая...

Творчество Ата-Салиха злободневно сплошь. Это стихи о походе конников через Кара-Кумы, о выборах в Верховный Совет, о колхозах, о

соцсоревновании, о бдительности, о раскрепощении женщины, об испанской революции, об обороне родины. В дни Отечественной войны — это дышащие ненавистью и гневом к врагам, чрезвычайно простые и сжатые стихи-призывы:

...Коли вышел на немецких бешеных собак,
Крепко бей и твердо стой — мой тебе наказ.
Чтобы сгинул под землей озверелый враг,
Из героев будь герой,— мой тебе наказ.

...Я тебя кормил-поил, вырастил большим,
Слушай же мои советы и доверься им.
Если ты меня назвал братом дорогим,
Будь таким, как Гер-Оглы,— мой тебе наказ.

(Из стих. «Мой наказ».)

Классическая традиция назидательных стихотворений целиком использована поэтом. Можно сказать, что из всех традиций национальной поэтики Ата-Салих избрал именно одну эту традицию — назиданий и дидактики. В жертву ей он принес и образность, и сложные ритмы, и лиризм, компенсируя недостаток их такой эмоциональной насыщенностью своих стихов, что многие его строчки-назидания стали новыми пословицами и прочно вошли в язык современного туркмена.

Подмену слова-образа словом-понятием, обычную для стихов Ата-Салиха, мы встретим в стихах и целого ряда других поэтов Туркмении, разрабатывающих темы современности. В большинстве случаев это приводит к обеднению поэтического произведения. Но Ата-Салих, этот подвижник агитационной поэзии, умеет и самым обыкновенным словам-терминам,

таким, как *ударник*, *значкист*, *соревнований колхоз* и т. п., возвратить первоначальное эмоциональное звучание, родившееся из образного представления народа о новых явлениях советской жизни и лишь позднее стертое ежедневным служебным обиходом этих слов в печати и в устной речи.

Умения Ата-Салиха превращать злободневные слова-термины и слова-понятия в материал поэзии порой нехватает тем молодым поэтам Туркмении, которые одновременно с ним начали свою творческую жизнь.

РАЗВИТИЕ ПИСЬМЕННОЙ ПОЭЗИИ

1

На процесс формирования советской литературы у туркмен, как и у прочих народов, бывших прежде бесписьменными, решающее влияние оказало развитие национальной прессы.

До революции газет на туркменском языке не существовало; не мог считаться завершенным и самый процесс формирования языка. Разбитые на бесчисленные племена и роды, лишенные каких-либо объединяющих культурных центров, туркмены говорили на десятках наречий иialectов, порой существенно отличавшихся один от другого.

Вопрос о создании единого литературного языка стал остро с первых же лет революции. Казалось бы, общим для всех туркмен мог стать язык древних преданий и классиков, но словарь даже крупнейших поэтов прошлого был сильно засорен арабизмами и архаизмами. К тому же он не был приспособлен для передачи понятий современности.

Вопрос о современном литературном языке не мог решаться кабинетным или искусственным путем. Он должен был быть решен самой жизнью, и он практически ежедневно решался на страницах газет и за столом школьного

учителя, принужденного разговаривать со своими учениками обо всех явлениях жизни словами, понятными, точными и прямыми.

В 1924 году на туркменском языке выходила лишь одна газета «Туркменистан» с тиражом восемьсот экземпляров, но уже к 1927 году существовало до десятка газет и был организован сатирический журнал «Токмак», приобретший скоро огромную популярность в аулах. Грамотность населения к тому времени поднялась до 12 процентов вместо 0,7 процента, бывших до революции.

Все крупнейшие современные писатели Туркмении начинали свою литературную работу в годы 1927—1929 именно в газетах или в «Токмаке», как авторы злободневных сатирических фельетонов и агитационных политических стихов.

Молла-Мурт, как мы видели, с первых дней революции звание народного шахира сменил на звание газетного корреспондента.

Ата-Шукurov, рано умерший талантливый поэт, начал писательскую деятельность с того, что поместил в «Токмаке» фельетон о трудностях в организации новых школ, и до самой смерти печатался только в «Токмаке».

Ученик Шукурова Помма Нурбердыев первые свои стихи «О раскрепощении женщины» послал в «Токмак».

Рахмет Сейдов сперва сотрудничал в стенгазете педтехникума, затем стал посыпать стихи в «Токмак» и газеты.

Сатирические песни Ата-Салиха впервые увидели печать тоже в «Токмаке». В «Токмаке» и в газетах начали свою работу Берды Кербабаев, Дурды Агамамедов, Берды Султаниязов,

Ата Ниязов, Кемал Ишанов, Шали и Аман Кекиловы, Таушан Эсенова, А. Ахундов-Гургенли, Беки Сейтаков, Ходжа Шукуров — все, чьи имена нам известны теперь как основные имена советских поэтов Туркмении.

Туркменская советская поэзия вышла со страниц газет. Она нашла свой первый приют в сатирическом листке между фельетоном и хроникой. Свою первую задачу она увидела в том, чтобы путем применения рифм и мерного склада речи сделать газетный материал более доходчивым до аульного читателя и более действенным. На пестрых полосах школьных и колхозных стенгазет, а также в районной и окружной печати она поднимала свой еще не уверенный голос для воспевания вещей, о которых никогда прежде не могли мечтать дайхане и батраки. Для каждого из начинающих поэтов тех лет каждый день советской действительности был готовой увлекательной темой. Первое Мая, Октябрьская годовщина, выборы в Совет, пуск первого завода, прилет самолетов, первые колхозы, — все, чем жила Советская Страна и что было для вчерашнего подпаска или батрака осуществлением самых, казалось, неосуществимых и фантастических мечтаний, все вставало перед молодыми поэтами, как готовый объект для приложения творческих сил.

Первые произведения большинства молодых поэтов Туркмении того периода отмечены именно этими чертами газетной злободневности, торжествовавшей зачастую в ущерб всем прочим качествам стихотворения.

Дружной семьей дайхане приходят работать в колхоз, У дармоедов от страха струится по коже мороз,

Социализм, побеждая, сквозь быт нашей жизни пророс
К жизни без классов твой шаг устремлен, о ТССР.

Школы растут. По школам веселые ученики,
О науке с почтением теперь говорят и старики.
Грамоты свет пробиваются ярко в твои кишлаки.
Скоро ты станешь страной просвещения, ТССР —

писал поэт А. Ахундов-Гургенли, мало заби-
таясь о национальной форме и о поэтической
традиции прошлого. Его увлекало стремление
зафиксировать, назвать в рифмованных строч-
ках все признаки того, что принесла советская
власть туркменскому народу.

Распался, уничтожился жизни былой уклад,
По-новому родина моя зажила.
На месте пустыни сегодня цветут поля.
Хозяин этих полей теперь колхоз.

Трактор поле колхозное бороздит.
Мастер своего дела, тракторист, за рулём сидит.
Глубоко вспаханы борозды позади.
К посеву готовят свои поля колхоз...

Мамед Кулиев, написавший эти строки, не
считал нужным или не умел прибегать к поэти-
ческой выдумке и назначение поэта видел, как
и Ахундов, в зарифмованном перечислении при-
знаков нового.

По большей части именно такими были пер-
вые напечатанные стихотворения и других поэ-
тов.

Ата-Ниязов, позднее выросший в крупную
поэтическую величину, так откликался на пер-
вый колхозный сев:

...Так подготавливается земля,
И начинается весенний сев...

За теплый хлопок и душистый хлеб
Свершаются победные бои,
А осенью колхозники придут
Зерном и хлопком взять труды свои.

Соревнования ударный темп,
Жизнь, приближающаяся бегом,
К социализму этот темп ведет
И к торжеству над классовым врагом.

Сраженный насмерть, злобный враг падет.
Колхозник, знай: обязан он тебе
Свою гибелью — твой труд нанес
Ему удар, решающий в борьбе.

(Из стих. «На колхозном поле».)

Шали Кекилов посвятил Красной Армии такое стихотворение:

Расправил плечи окованный титан:
Свободы требует рабочий стан.

Путь партии — твой путь. На всех фронтах
Ты внешнему врагу внушила страх
И внутренний тобою сломлен враг.
А сколько было их, врагов твоих.

Гул фабрик, шахт, полей колхозных рожь.
Растет СССР, и ты растешь!
И вся трудящаяся молодежь
Стремится встать в ряды полков твоих.

Казарма! Ты красноармейский дом
И школа, где о парне молодом
Заботятся: он здесь — учеником!
Рассадник знанья — дом бойцов твоих...

(Стих. «Твоя цель».)

Несколько более похоже на художественное произведение по композиции и образному строю стихотворение Амана Кекилова «Отец и

дочь», пользовавшееся в свое время большой популярностью:

Четырнадцать мне лет. Настало время:
Созревшая стою я перед всеми...
Ведь новый быт прогнал былую темень —
Не продавай меня, о мой отец!

Открылась школа и у нас в ауле.
Лучи познанья и для нас сверкнули.
Забыт адат, и все легко вздохнули —
Я новой жизни жажду, мой отец! —

говорит дочь отцу-дайханину и слышит в ответ:

Ты никогда, дитя, не знала воли,—
По-своему живи теперь, дитя.
Твои ровесницы-подруги в школе,—
И для тебя открыта дверь, дитя.

Мы были в мрак повергнуты врагами,
И вас, детей, мы угнетали сами.—
Иди же в мир с открытыми глазами,
Иди, учись теперь, мое дитя...

(Из стих. «Отец и дочь».)

Как же должна быть велика и бескорыстна у читателей жажда новой поэзии, наполненной революционным содержанием, чтобы с волнением читать и заучивать наизусть эти — далекие, как мы видим, от совершенства — стихотворные строки. А именно такими и были почти все стихотворные произведения, печатавшиеся в газетах и журналах Туркмении на заре советской литературы.

Не надо быть чрезмерно суровым в их оценке. Мы жестоко ошибемся, если будем неуклюжесть и газетную прямолинейность этих стихов считать признаком поэтической нищеты их авторов.

В агитационных стихах первого периода туркменской советской поэзии молодые поэты проходили школу политического мышления. Они знали наизусть множество старых песен, в которых были и образы, и красивые слова, и лирическое чувство; но ведь эти же песни пел до революции и чопан, уверенный, что, если покопать пески поглубже, уткнешься в спину огромной рыбы, на которой покоится земля. Эти же песни, случалось, мурлыкал и сытый бай. Эти старые песни были свидетелями и спутниками тех прошлых горестных дней, которые канули навсегда. В отказе от старых поэтических приемов, свойственных фольклору и классике, молодая газетная поэзия давала бой поэтической традиции прошлого, казавшейся такой же отмершей, ненужной, а то и прямо вредной, как и все, что сметено революцией.

Вопиющий разрыв между революционностью содержания новой поэзии и обедненностью ее поэтической формы был явлением преходящим. Он объяснялся как творческой неопытностью молодых авторов, вчера лишь оставивших школьную скамью, так и их юношеским запалом в той борьбе, какую им пришлось вести с националистически настроенными «блестителями» классических «чистых» традиций литературы и языка.

Буржуазные националисты охотно объявляли себя монополистами национальной формы и «раритетелями незасоренного родного» языка. Ярые враги революции, будучи разбиты в открытом бою, они хотели именно в вопросах культуры и литературы взять реванш. Под флагом «возрождения» национальной поэзии враги народа пытались

тались оживить давно отжившие формы средневековых наречий, мало понятных народу. Они фальсифицировали словарь и стремились живой разговорный современный язык — создание и орудие народной культуры — подменить искусственными архаическими диалектами. При этом они зачисляли в свои союзники всех крупных деятелей поэтической культуры прошлого, начиная с Махтум-Кули. Естественно, что их шумная провокационная политика не могла оставаться без отклика со стороны советских поэтов, которые органически связали свою судьбу с революцией. На призыв националистов пользоваться «чагатайским» языком (языком правящей верхушки и придворной поэзии XV века) советские поэты отвечали нарочитой оголенностью газетной лирики.

Подобные же явления наблюдались в те годы и в ряде других советских республик Средней Азии. В частности проповедью «чагатайского» языка отмечена деятельность целого ряда националистически настроенных литераторов Узбекистана, разоблаченных позднее как враги народа. И именно как ответ на разглашательства чагатаистов о древнем едином литературном языке, на котором должны создаваться литературы всех среднеазиатских народов, молодой советский поэт Узбекистана Гейрати написал свой «Сигнал бригады», отмеченный той же газетностью, оголенностью языка, что и стихи его туркменских сверстников:

Бодр и весел спешу на работу,
Рабочий завода ударного я;
В этом и жизнь и честь.

В цехе ударном
Марка моя
2886.

Нас всех сюда привел
Ленинский комсомол.
Все по местам;
Прогулов и простоев
Не должно быть.
Мы добываемся 100 процентов
Дать стране...

Ранние стихи Жарокова Таира (в Казахстане), Алексея Лукьянова (в Мордовии), Шейхи Маннуря (в Татарии) и многих других подтверждают, что процессы зарождения и начального развития молодой советской поэзии у целого ряда народов нашей страны в основном характеризовались сходными явлениями, и рассмотрение истории одной из молодых советских литератур может в известной мере облегчить знакомство и с другими братскими литературами СССР.

2

Было бы неправдой, если бы мы сказали, что на первом этапе существования письменная поэзия Советской Туркмении знала лишь газетно-агитационные стихи. Как раз в те годы, когда Аман Кекилов, Ата-Ниязов, Рахмет Сендов, А. Ахундов и другие писали свои «оголенные» стихи-фельетоны, вышла из печати большая лирико-эпическая поэма А. Аламышева «Сенди». По форме, содержанию и всему поэтическому стилю она может рассматриваться как прямое отрицание тех творческих установок, которые были приняты поэтами-агитаторами. В то время как большинство молодых поэтов чурались ли-

рических мотивов и как бы на время забыли о существовании фольклора, А. Аламышев откровенно и прямо поддерживал традицию народных дестанов, положив в основу своей поэмы горестную историю любви двух молодых людей — девушки Сона и юноши Анна. Правда, в отличие от «Саят и Хемра» или «Зохре и Техира», Сона и Анна живут не в сказочной стране и не в баснословные времена: Сона — советская учительница, а Анна — комсомольский работник. Но развитие поэмы вполне традиционно. Лишенные возможности часто встречаться, травимые недругами, влюбленные ведут поэтическую переписку, совсем в духе знаменитой переписки Фархада и Ширин. Любовь их нежна и сильна, но злые силы сильнее,— и в конце концов Сона гибнет, затравленная баями, так и не соединившись с возлюбленным.

Поэма при своем появлении имела шумный успех и вызвала горячую дискуссию в критике. В трагическом конце светлой девушки Сона иные из молодых литераторов увидели клевету на советскую действительность. Уже десять лет,— говорили они,— как произошла революция, советская власть торжествует повсеместно, а у Аламышева комсомолка гибнет потому, что в ауле не нашлось заступника, который бы дал отпор злым силам прошлого. Поэма была объявлена вредной, уводящей поэзию от генерального пути развития. Огромный успех «Сенди» (в те годы у каждой учащейся девушки обязательно хранилась, как драгоценность, поэма Аламышева) эти не в меру ретивые критики готовы были рассматривать, как беду, с которой надо бороться.

Перечитывая поэму теперь, мы понимаем причину ее успеха у молодежи. Разве читателям «Сенди», пришедшим из аула в город девушкам и юношам, в те годы (поэма вышла в 1928 году) не угрожали на каждом шагу байи и их приспешники, точно так же, как в поэме они угрожали молоденькой учительнице Сона? Это были годы свирепого сопротивления байства раскrepощению женщин. И читатели Аламышева в злоключениях Сона видели как бы отражение своей собственной биографии. Отожествляя себя с героями поэмы, они не могли оставаться равнодушными при чтении взволнованных наивных строф:

Я комсомолец и узнал,—

пишет Анна к Сона, которую он увидел впервые на аульном собрании,—

Что комсомолка ты, Сона.
Учительница ты, и вот
Ты баями окружена.

Но как бы трудно ни пришлось.
Всегда стой твердо на своем.
Я жду: скорее на письмо
Ответь, о Сона-джан, письмом.

Призывы к твердости и стойкости, включенные в лирическое письмо героя поэмы, действовали на читателей сильнее, чем зарифмованные призывы о том же в стихах, лишенных сюжета и эмоциональности.

Читателю нравилась и обильная образность и напевность стиха Аламышева, заставлявшие оживать в памяти многие любимые старые дестаны и ляле:

Как птица бьется и дрожит,
Сетями пленена.
Так мучится в своем дому
Несчастная Сона.

Скорби о ней. Огонь тоски
В груди Сона возрос.
Чернее бус ее глаза
Лежат в озерах слез.

Сона, из школы возвратясь,
Не спит в почной тиши,
И горечь жгучая лежит
На дне ее души.

Читатель не замечал ни анемичности облика Сона, ни ее безвольной юбренчности, далек не свойственной туркменской молодежи, которой в те годы не раз приходилось вступать в открытые бои с байскими приспешниками. Приведем один случай из биографии поэта Помма Нурбердыева, произошедший с поэтом как раз в год выхода «Сенди». Случай этот ни в какой мере не может считаться исключительным.

Окончив интернат в 1928 году, Нурбердыев стал учителем аульной школы и вел горячую агитацию против явных и скрытых басмачей, укрывавшихся в ауле. За это бай решили его убить. Однажды ночью они напали на кибитку, где жил учитель со своей молоденькой сестрой. Завязалась схватка. Бандитов было много, ни Помма, ни сестра его не проявили ни труслисти, ни малодушия. Защищаясь, они перебили всех бандитов, при чем девушка была ранена. Помма вскочил на коня и повез сестру в город. По дороге она умерла. Тогда он вернулся в аул и со следующего же утра возобновил свои яростные нападки на байских приспешников.

То, что Сона так безропотно гибнет, ни в какой мере не отражало советской действительности тех лет. Но читателя привлекала к поэме Аламышева жизненность многих ее деталей, острая сюжетность и подчеркнутая поэтичность стиля:

Однажды читала Сона, и над ней
Кружился коршуном страх,
Страницы книги, как голубки,
Мелькали в ее глазах.

Дыханье робкое затая,
Анна в кибитку вошел,—
И книга упала из рук се
На глинистый пол...

Книга в руках туркменской девушки! Одна эта деталь делала поэму реалистической и современной в глазах ее молодых читателей.

— Пройди и садись,— говорит Сона,
А пристальный взор его,
Кроме ее пылающих щек,
Не видит ничего.

Когда поднимает ресницы Сона,
Анна опускает взгляд,
И знает Сона, что его глаза
Ей двинуться не велят...

Взглянула через плечо Сона,
И взгляд ее изнемог,
Закрылась платком, но с ее лица
Анна сорвал платок.

Играют, как море, ее глаза,
Блестят, как черный алмаз,—
И только немножко груди ее
Не достают до глаз.

И родинка есть на щеке у нее,
Как черный лепесток.

На свете красавицу, равную ей,
Никто бы найти не мог.

Тяжелые косы спадают на грудь,
Шаги, как полет, легки.
Прекрасную птицу поймал птицелов
В шелковые силки...

Значительные строчки одного из писем Сона; в котором она клянется быть верной своему возлюбленному, звучали для всех читателей, как страстный призыв к усилению борьбы против байства:

Жених мой растет — и томиться,
И ждать я должна.
Но байской не буду женою,
Хотя бы я пулей шальюю
Была сражена.

Сона.

Эло в конце первой части поэмы восторжествовало. Но поэма заражала читателей такой ненавистью к баям и таким желанием покончить с ними поскорей, что мы, не соглашаясь с ее критиками, смело можем назвать поэму Ала-мышева значительным произведением туркменской советской поэзии ее раннего периода.

Значение поэмы велико еще потому, что в годы, когда иные считали фольклор хламом, годным лишь на свалку, поэма утверждала кровную связь народной поэзии с письменной советской поэзией и воскрешала сюжет, как составную и немаловажную часть поэтического произведения.

Поэма Аламышева была напечатана в 1928 году. Она взволновала читательские массы, но заметного влияния на дальнейшее развитие советской поэзии не оказала. Дело здесь не только в недоброжелательной близорукости критики: были другие, более серьезные, причины изолированного положения, в каком оказался Аламышев.

Туркмения в годы 1928—1929 вступала в решающий период революции. Начиналась коллективизация. Шло быстрое расслоение дайханства. На стройках первой пятилетки — текстильного комбината, Кара-Богаз-Гола, Небитдага, серных заводов и т. п. —ковались первые кадры туркменского пролетариата. Лицо республики менялось на глазах с быстротой, поистине вызывающей изумление. И рядом с грандиозностью происходящих всенародных событий трагедия молодой учительницы, не сумевшей отстоять себя, показалась большинству поэтов мелкой, не заслуживающей внимания. Иные темы вставали перед ними. Это были темы великих социальных сдвигов. О них, о них в первую очередь и хотелось писать песни и складывать поэмы.

Это было естественно и законно. Но беда была в том, что большинство поэтов Туркмении в те годы еще только делали первые неуверенные шаги в литературе. В первых рядах литературного движения оказались вчерашние школьники, юноши, лишенные какого бы то ни было литературного опыта. Начинающим писателям приходилось быть открывателями новых путей, в то время как учиться было не у кого.

Туркменская классика не знала тем, над которыми работали они. Русского языка молодые поэты в те годы хорошо еще не знали. Единственным учителем попрежнему оставалась газета.

Но застояться долго на этом этапе поэзия народа, творящего великое переустройство жизни, конечно, не могла.

Молодая туркменская поэзия, мужая и возрастная, упорно и неуклонно пробивалась к той черте, за которой начинается настоящее искусство.

Оглядка на прошлое на первых порах была единственным поэтическим приемом, какой разрешали себе или, вернее, какой усвоили себе поэты-агитаторы. Постепенно и этот нехитрый прием стал подспорьем поэтического роста.

Среди безжизненных песков построена фабрика. Эта победа достойна быть воспетой. Но простое констатирование факта постройки еще не становилось поэзией. В этом поэты скоро убедились, знакомясь со стихами своих же товарищей. Раздумывая, как бы ярче оттенить величие настоящего, они невольно обращались к мраку прошлого. Поэт вспоминал пустые злые пески, так хорошо ему знакомые с детства: видел байские бесчисленные стада на том месте, где теперь высятся новые заводские корпуса. Песни пастухов, мечтавших о будущем счастье, оживали в памяти. Реальные детали прошлой жизни врывались в память и в стихи и сообщали им эмоциональную теплоту. Так, задуманное как прием агитации, противопоставление прошлого и настоящего становилось художественным приемом поэзии.

На этом этапе молодая письменная поэзия постепенно сближалась с песнями шахиров, мастерски владевших именно приемом сопоставлений. Но у шахиров оставалось то преимущество, что, не порывая с традицией фольклора, всегда пребывая в его стихии, они были богаче по языку и ближе к народу.

Туркменская поэзия тех лет представлена великим множеством поэм и стихотворений, не только построенных по методу сопоставления прошлого с настоящим, но и берущих это сопоставление, как свое единственное поэтическое задание, как тему. Таковы «Твое» Рахмета Сеидова, «Ты видел» Дурды Агамамедова, «ТССР» А. Ахундова, «Туркмения» Рухи Алиева и мн. др.

Тебя, отчизна, окружал туман,
И по земле носился стон печали.
К тебе сбегались волки чуждых стран,
От горла к сердцу тело прогрызали,
И не было народа на земле,
Который бы принес огонь свободы:
По всей планете — мгла, и в этой мгле
Стонали угнетенные народы,—

так начинает свою поэму «Твое» поэт Рахмет Сеидов.

А вдоль пустыни, чахлой и скупой,
Пятна все, ложилась тень корана...
На помощь ты звала, но голос твой
Был заглушен неистовством азана.
И этот мертвый нелюдской азан
Лишал народное сознанье света,
Но наши очи накликал туман,
А хитрый лжец смеялся с минарета.
Я сам в чатме родился. Ишака
Считал слоном. И мне близка природа
Моих равнин. И мне до слез горька

Былая жизнь бездомного народа.
Врагами сделать всех желал навек
Николка-царь. Баранами в ауле,
Хотел он, чтоб дрались туркмен, узбек,
И раздавал предательские пули...

Рассказав о прошлом, поэт переходил к настоящему:

...О, сколько лет за острием штыков
Мелькал наш враг, всегда готовый к бою.
Но трупы басмачей и беляков
Разъели рыбы под морской волною.
А на земле, прославленной навек,
Советской власти утвердились знамя,
И кочевой доселе человек
Построил дом, узрев свободы пламя...

Точно так же и на ту же тему написаны известные стихотворения Дурды Агамамедова «Ты увидел» и «Советский Туркменистан», поэма Рухи Алиева «Туркменистан» и мн. др.

Пенел в семидесяти кочевьях семья оставляла твоя
Беки и ханы тебя истязали, жизнь увядала твоя,
То проливалась, то застывала в жилах кровь твоя.
В кotle мучений кипела, страдала, народ мой, душа
твоя.
От холода и от зноя страдавших людей ты видел.

Туман над тобой, облака и пыль, день и ночь
безразличны тебе.
Твой лучший друг в то время был не в силах помочь
тебе.
Змеей ядовитой хищный бек тогда подползал к тебе
Грабил твой дом и черной рекой нужду посыпал
к тебе.
Побоища, несправедливость, беду, мой древний народ,
ты увидел

(Стих. Агамамедова «Ты увидел»).

Поведав о тяготах прошлого, Агамамедов, так же как и Сеидов, во второй части поэмы стремился показать радость настоящего, перечислял все блага, принесенные туркменам советской властью.

Не трудно видеть, насколько обе эти поэмы сложней и глубже ранних агитационно-газетных стихов. В них налицо еще и декларативность и схематизм и риторичность, но они уже согреты личным отношением поэта к теме, и поэтому о них можно говорить как о явлениях поэзии.

В конце тридцатых годов крупнейшие туркменские поэты и шахиры — Дурды Агамамедов, Ата-Салих, Дурды-Клыч, Кемал Ишанов, Помма Нурбердыев, Раҳмет Сеидов, Халтурды и Чарыкулиев изложили в стихах письмо туркменского народа товарищу Сталину. В этом письме-поэме, — художественно далеко не равном, — сопоставление прошлого и настоящего развернуто с возможной полнотой.

Мы томились века, и веками нас горе душило.
Как слепые, в бесправье, кляли мы свою слепоту.
Мы рождались рабами, рабами сходили в могилу.
Мы всю жизнь голодали, работая в черном пути.

Часто траур по мертвым носили аулы родные.
Часто дедам грозился кровавый топор палача.
Здесь в далекие годы просторы топтал луговые
Искандер беспощадный, свой меч по земле волоча...

Как боец Гер-Оглы, что сражался с полками чужими
И крушил их, летя на коне легендарном Бедав,—
Мы в неравную схватку кидались с клинками кривыми,
Мы за землю родимую бились в почетных рядах.

...Но надеялись мы, что настанет эпоха иная,
Как об этом рассказано в строчках Махтума-Кули...

...Мы зажиточными стали. Наш народ могуч.
Озаряет наши дали счастья ясный луч.
Ты нам дал сиянье это, светлый мир весны,
Ты, отец, источник света для родной страны.
Ты ведешь, И жизнь чудесней, краше с каждым днем
Мы ликующую песню всей стране поем...

Возрастая и мужая, советская литература
Туркмении неизбежно обратилась и к другим
приемам, обогатившим и расширившим ее воз-
можности.

Великое содействие в том ей оказало зна-
комство с русской литературой, начало которого
надо отнести на годы 1932—1935.

4

Советские национальные литературы, обязанные своим возникновением или возрождением Октябрю, некоторое время развивались порознь, в условиях национальной изолированности. Должно было произойти не мало событий и сдвигов в жизни молодого советского государства, чтобы отдельные национальные ручьи слились в единый поток многонациональной советской литературы.

Одним из наиболее мощных факторов, способствовавших укреплению тесной связи братских литератур, явилось распространение русского языка и русской культуры. С того момента, как книги Ленина и Сталина и лучших русских писателей стали достоянием культурного обихода писателей народов СССР, рост моло-

дых национальных литератур заметно убыстрялся.

Влияние русской культуры ни в какой мере не могло быть наносным или чуждым национальному духу писателей СССР. Реалистические и революционные заветы русских классиков и лучших русских советских писателей лишь помогали юным литературам многоязычной страны освобождаться от национальной замкнутости, содействовали им в преодолении остатков влияния буржуазно-националистической идеологии и выводили их на широкую дорогу реалистического искусства, передового по своим устремлениям и национального по форме.

Понятие национальной формы также, по мере поступательного развития культурной революции, претерпевало ряд существенных изменений.

Что такое национальная форма? Это прежде всего язык, на каком произведение создано. Но революция во многом изменила жизнь языков советских народов, влив в них целый ряд новых понятий и покончив с искусственным отграничением книжно-литературного языка от живого языка народа. Национальная форма — это те образы, какие подсказаны писателю особенностями окружающей его жизни, а также классической поэзией родного народа и его фольклором. Но революция внесла коренные изменения в жизнь народов СССР, покончила с бытовой косностью их и послужила толчком к возникновению новых фольклорных мотивов и тем. Национальная форма — это все те особенности исторического и культурного развития народа, какие нашли свое выражение как в тема-

тике, так и в поэтике художественного произведения. Но революция круто изменила исторические судьбы советских народов. Ленинско-сталинская национальная политика покончила с неестественной изолированностью, какая существовала между этими народами, и сплотила их в едином революционном устремлении. Можно ли в таком случае говорить о какой-либо застылости, окаменелости национальных форм нашей литературы? Совместная борьба и совместное участие всех советских народов в социалистическом строительстве неизмеримо расширили «объемность» понятия национальной формы и обогатили ее содержание.

Развитие советской поэзии Туркмении можно свести к трем основным процессам — постепенному расширению круга тем, к обогащению приемов поэтики и к более углубленному пониманию литераторами своей роли в эпоху социалистического строительства. Процессы эти не могли развиваться изолированно. Они были взаимообусловлены и находились в прямой зависимости от общеполитического, культурного и хозяйственного роста республики. Разворачивание их шло тем успешнее, чем четче обозначались творческие индивидуальности молодых поэтов и чем богаче становился их культурный опыт.

До 1932 года на туркменском языке не было издано ни одной книги в переводе с русского. Но, начиная с 1932 года и особенно в период подготовки к 1-му съезду писателей, начали появляться пеевые переводы с русского (Горький, Чехов, Фурманов, Тургенев), а в последующем переводческая работа приобрела

и более широкий размах. Переводились и Пушкин, и Лермонтов, и Толстой, и Маяковский, и Шевченко, и современные писатели. Работая над переводами, поэты и писатели невольно попадали на вынужку к великим русским реалистам, и могучее дыхание русской культуры не замедлило оказать на их работу самое благотворное влияние. В оригинальном творчестве туркменских поэтов постепенно стало раскрываться то, что в течение предыдущего периода было лишь творческой завязью.

Не нужно думать, что все эти процессы про текали стройно и последовательно, не встречая никаких трудностей. Молодой туркменской литературе пришлось испытать и все крайности руководства ВОАППовских вульгаризаторов, стремившихся нивелировать национальные особенности литературного процесса в братских республиках, и одновременно ей пришлось бороться против исхищренных ходов буржуазных националистов, всячески сопротивлявшихся проникновению в Туркмению русской культуры.

Огромное влияние на оздоровление лите атурной обстановки оказало постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о ликвидации РАППа и о перестройке литературных организаций. Все советские литераторы Туркмении объединились в единый Союз советских писателей ТССР. К этому же времени относится приезд в Туркмению первых бригад русских советских писателей, сыгравших большую роль в деле взаимосближения туркменской и русской культур. Постепенно возродился и интерес к изучению национального классического наследия. Доклад Горького на 1-м Всесоюзном

съезде писателей оказал в этом отношении решающее влияние. О культурном наследстве своего народа у молодых писателей Туркмении существовали весьма превратные представления. Зная многие старые произведения напамять, по воспоминаниям детства, они не были в состоянии по достоинству оценить всю значительность культурных богатств, какие донес туркменский народ до революции из глубин столетий. Вокруг классического наследия буржуазные националисты поднимали нездоровую возню, пытаясь перетолковать творчество классиков и сделать из них (в первую очередь из Махтум-Кули) своего рода знамя, долженствующее осветить великим именем контрреволюционный поход против советской культуры. Слова Горького о национальной классике и фольклоре, как о постоянно действующих факторах развития искусства, заставили многих писателей пересмотреть их позицию в этом вопросе и вернули, так сказать, детям их отцов.

Кругозор молодых туркменских поэтов заметно расширился, зоркость их глаза возросла. В орбиту внимания писателей все чаще стал вовлекаться человек с его большой и трудной судьбой, с его прошлым, настоящим, будущим. Родилась потребность в крупных сюжетных вещах, и в связи с этим стала рождаться догадка о том, что такое реалистичность искусства.

В годы, начиная с 1932 до начала Отечественной войны, туркменской советской поэзии выпало на долю проделать путь — от поры младенчества к поре зрелости, — какой в иные исторические эпохи и у других народов был уделом нескольких поколений литераторов.

Этапами восхождения туркменской советской поэзии к поре зрелости могут считаться многие стихи и поэмы, появлявшиеся в те годы в туркменской печати. Это «Аму-Дарья», «Мир женщины» и «Пересохшие губы» Б. Кербабаева; «Чопан», «Айгозель». «Решающий день» и другие поэмы и стихи Хаджа Шукурова; это лирические стихи и поэмы Помма Нурбердыева, с момента появления первого своего стихотворения «Гюлендам» завоевавшего внимание и любовь аульной и городской молодежи; это поэма Амана Кекилова «Вперед», поэма Рахмета Сейдова «За революцию» и многие его стихи; это «Рост» Д. Агамамедова, это многочисленные стихи Халдурды, Чарыкулиева, Таушан Эсеновой, Джанмурада Мантона, Кемала Ишанова, Берды Султаниязова, Кара Сейтлиева, Рухи Алиева и др.

Не все эти произведения ныне удовлетворят вкус взыскательного читателя: еще болезни начального периода — схематизм, декларативность, растянутость, повеохностность порой дают себя знать и в них. Но все же лучшие из этих стихов и поэм уже исполнены живых художественных сил и являются плодом стремления поэтов как можно более правдиво и глубоко отразить жизнь действительную, а не построенную умозрительно.

Поэма Амана Кекилова «Вперед» (1934 год) показывает борьбу в ауле в период коллективизации. Темный бедняк-дайханин рассказывает, как кулаки подговаривали его к убийству передовых людей колхоза и в первую очередь Бяшима, больше других насолившего баям:

...Был последний разговор
Дольше прежних. И Ага
Предложил: «Бяшиму — смерть!»
Кто-то крикнул: «Два врага

На виду. И вместе с ним
Полколхоза бы как раз».—
«Верно,— вторили кругом,—
Кто ж исполнит наш приказ?»

Перебрали весь аул —
И горячий спор возник:
Тот растяпа, у того
Длинный будто бы язык...

Долго думали они,
Долго спорили, пока
Громогласно, наконец,
Не назвал меня Ага.

«Этот годен». — «Хорошо»,—
Загудели голоса...
(Вспомнишь, леднеет кровь,
Темень тычется в глаза...) .

«Ошибкаешь во мне,—
Я за это не возьмусь».
И послышалось в ответ:
Отщепенец. Подлый трус».

Ужас охватил меня,
Ежели не соглашусь,
То расправится зверье.
Как тут быть? И я тогда
Дал согласие свое...

Читая этот взволнованный реалистический рассказ, трудно поверить, что тот же Аман Кекилов совсем еще недавно писал сплошь дидактическую «Беседу отца с дочерью».

Автор большой поэмы «Пастух», Хаджа Шукуроев в стихотворении «Решающий день», опубликованном в 1935 году, дает уже не условную картину колхоза, где нет людей, а сплошь тракторы, но стремится показать в первую очередь именно людей в их повседневном труде:

...Лицо земли, как персик, золотится,
Заря огонь на землю пролила,
В глубинах неба потонула птица,
И стала даль прозрачна и светла.

Но что за всадник в зареве пожара
Летит, как камень, пущенный с горы,
Летит, гоня послушного тайхара
По холодку предутренней поры?

Несется в даль, полет свой убыстряя,
Мгновенный вихрь взвивается за ним,
И в воздухе вскипает пыль седая
И стелется, как паровозный дым.

Это колхозник Анна спешит на хлопковое поле.

...Как молния, движенья,
И все быстрей, быстрей его размах.
Но он умен: вся тяжесть напряженья
Лежит на пояснице и руках.

...Зато и Гюль охвачена задором,
Идет, не отставая ни на шаг.
Платок ей служит головным убором,
Она сняла и барык и яшмак.

Тема стихотворения — социалистическое соревнование на полях: Гюль победила, но Анна тоже не хочет сдаваться:

Тогда Анна задумчиво, угрюмо
На землю хлопок ёытряхнул горой...
И вдруг, смеясь, воскликнул: «Много шума!
Еще посмотрим завтра, кто герой».

Но тут и Гюль расхохоталась звонко
И гордо посмотрела на него:
«Ты не гляди, Анна, что я девчонка.
Ну что ж, посмотрим завтра, кто кого».

Так Гюль взяла почетнейшее званье,
Так женщина взяла высокий чин
И, победив мужчин в соревнованьи,
Сумела первой стать среди мужчин...

Материалом для большинства этих произведений попрежнему служила жизнь аула, как и в поэме Аламышева. Только теперь это был колхозный аул.

Судьба аульного юноши или аульной девушки, принявших участие в борьбе за становление колхозного строя и вместе с колхозом поднимавшихся к настоящей жизни,— вот что чаще других тем становилось содержанием стихов и поэм — и Кербабаева, и Нурбердыева, и Шукрова, и Ата-Ниязова, и Таушан Эсеновой. Именно для изображения аула и перемен, произошедших в аульной жизни, нашлись у молодых поэтов наиболее правдивые и выразительные поэтические слова. Городская же или производственная тема, когда поэты брались за нее, по большей части вновь отбрасывала их с позиций осваиваемого реализма к упрощенному схематизму и пафосной риторике. Это и понятно. Именно с бытом аула литераторы были связаны самым живым и непосредственным образом.

Особенно часто темой для поэтических произведений становилась доля женщины. Этой теме

юсвятил на заре советской литературы свою тоэму А. Аламышев. Эту же тему разработал в двух поэмах — «Женская жизнь» и «Закрещенная» — Берды Кербабаев. Тяжелая доля туркменской девушки в прошлом и широкая дорога к счастью, какая открылась для нее приветской власти, нашли свое многообразное отражение в творчестве Таушан Эсеновой, первой туркменской девушке, избравшей профессию приветского литератора.

Таушан Эсенова начала свою жизнь в ауле, расположенному недалеко от цветущего поселка Каахка. Когда началась революция, она была еще ребенком. Совсем маленькой она услышала рассказ о Ленине от одного из своих родственников, ездившего в Москву.

«Солнцу свободы всегда сопутствует свет культуры», — в таких словах передал родственник одно из выступлений Ленина о культурной революции, услышанное им в Москве.

«Эти слова, — рассказывает Эсенова в своей автобиографии, — вошли в мое сердце, и хоть мне было всего десять лет, я сказала подругам: пусть они, если хотят, остаются в Каахка и выходят замуж, а мне мало одного солнца на небе».

И вот она оставляет аул и пробирается в молодую столицу молодой республики Ашхабад, чтобы приобщиться к свету культуры. Ей было всего четырнадцать лет, когда она уже окончила среднюю школу. Солнце знаний заронило первый луч в горячее сердце девушки: в школьной газете в 1930 году было помещено первое стихотворение будущей писательницы. Стихотворение посвящалось Красной Армии. Скоро

стихи Эсеновой стали появляться в газетах «Туркменистан», «Яш коммунист» и других периодических изданиях, первая же книга ее стихов — «Стальным девушкам» — вышла из печати лишь в 1938 году.

Эсенова принесла в поэзию непосредственность девичьих ляле, углубленную пониманием времени, в какое ей посчастливилось жить. Таковы ее стихи, посвященные «женской теме». Но едва она бралась за разработку иных, более широких, тем современности, как стихи ее теряли непосредственность и на них ложилась печать пафосно-риторического схематизма.

Легкие крылья радости меня несут,
Когда выхожу я в сад твой, родина.
Лучшие цветы твои раскрываются и цветут,
И я любуюсь их ярким цветением, родина.

Твои цветы и счастья прекрасный сад
Чудесней пустой болтовни о рае небесном, родина.
В твоем роднике, прозрачном и чистом, подобном росе,
Быстро и резво к счастью плыву я, родина.

(Из стих. «Родина».)

Преодолевать этот недостаток, явившийся результатом некритического усвоения некоторых приемов классической поэтики, помогли Эсеновой Пушкин, Лермонтов, Маяковский, которых она изучала в подлиннике. Настоящей же школой реализма для молодой писательницы оказалась перемена жанра. Комедия «Шемшат», написанная Эсеновой перед войной, страдает рядом недостатков, но в ней нет и следа какой-либо отвлеченности или условной красоты.

Борьба за реалистичность поэтического стиля на втором этапе развития туркменской поэзии

стала основной задачей поэтов. Осознав неправильность огульного отрицания веками выработанной поэтики, многие поэты кинулись в другую крайность. Они стали механически использовать приемы классических поэтов, упустив из виду, что Махтум-Кули или Шабендэ жили совсем в иное, чем наше, время и в своем творчестве преследовали совсем иные, чем мы, задачи. Такое забвение исторической дистанции между поэтическими приемами классиков и советской тематикой приводило порой к появлению стихов, полных холодной и отвлеченной красотности. Стихотворение Эсеновой «Родина» служит тому примером.

Помма Нурбердыеву преодолевать тот же недостаток помогли его постоянные занятия современным песенным фольклором, не терпящим ни риторики, ни схематизма. Лучшие стихи Нурбердыева, написанные под влиянием лирических народных песен, сами стали песнями и пользуются у аульной молодежи большой популярностью.

Красавица проснулась на рассвете,
Звезда ей улыбнулась сквозь окно,
И девушка, купаясь в свете звездном,
Волос чесала черное руно.

По белому лицу струились кудри,
Вода струилась в тихом арыке,
И девушка запела тихо песню,
Что с чьей-то песней слилась вдалеке...

...Как хороша на ней ее одежда,
Что к стану гибкому так плотно льнет.
Красавица с калитки глаз не сводит
И ждет, когда ровесница придет...

Под рукавом блестят часы ручные,
И на работу стрелка их зовет...
Народ, родивший девушку такую,
Как счастлив ты, великий мой народ...

Из стих. «Утро красавицы»..

Это туркменская девушка-летчица собирается в очередной полет. Песенная традиция современного фольклора помогла Нурбердыеву свободно и поэтически откликаться на самые злободневные явления современной жизни.

Пафос и риторику ранних своих стихов Рахмет Сейдов преодолел, смело расширив круг излюбленных поэтами тем. В поэме «За революцию» (1939 год) он воспел борьбу западноевропейского пролетариата. Впервые за всю историю туркменской литературы предметом поэзии становилась жизнь иного народа и иной страны. Сейдову нехватило запаса жизненных наблюдений и знаний, чтобы всю поэму выдержать в реальных тонах, отдельные эпизоды ее носят «условный» характер. Но все же целые главы этой поэмы служат лучшим свидетельством того, как далеко позади оставила молодая поэзия Туркмении свои недавние позиции упрощенного и примитивного отклика на жизнь.

...В комнате, пустой и ободранной,
Где все украшение — стол да два колченогих стула,
Сидят печальные и заплаканные брат и сестра,
Два ребенка с тревожными, широко раскрытыми
глазами.

• • • • • • • • • • • • • • •
Уж что-то очень долго они так сидят,
Призывают отца, а он не идет.

Вот уж и вечер спустился над городом,
Небо открыло блестящие звездные глаза,

Говорит брат сестре: «Айна, прошу тебя,
Возьми корзинку, иди на завод, приведи отца.—

И сам же перебивает: — Нет, нет. Не ходи, не надо.
Я боюсь остаться один в эту бесконечную ночь.
Они не ложатся спать.

...В унылой ободранной комнате
Сидят брат и сестра.
Утро наступит скоро.

(Из поэмы «За революцию».)

Помма Нурбердыев, Хаджа Шукuros, Аман Кекилов, Таушан Эсенова, Раҳмет Сейдов, Д. Халдурды, Д. Агамамедов, Ата-Ниязов — эти имена и определяли перед войной лицо советской поэзии Туркмении. Именно в их стихах молодая туркменская поэзия нащупывала то широкое русло, по которому должно было пойти дальнейшее развитие литературы народа, впервые получившего возможность свободного и радостного поэтического творчества. На первых шагах у туркменских поэтов было много незрелого, примитивного, а порой и прямо слабого, но, борясь с трудностями и участь у своих старших братьев — русских советских писателей, каждый из этих поэтов постепенно освобождался от упрощенного понимания задач поэзии и — кто раньше, кто позже — выходил на самостоятельную литературную дорогу.

Но список наш был бы не полон и картина постепенного развития туркменской поэзии не верна, если бы мы особо не коснулись работы поэта Берды Кербабаева.

6

В отличие от подавляющего большинства своих товарищей, Берды Кербабаеву не пришлось в начальные годы революции ликвидиро-

вать свою неграмотность в школах ликбеза и в детских интернатах. Самый старший по возрасту (род. в 1894 году) из всех советских туркменских поэтов, знаток литературы прошлого, Кербабаев прошел не простой путь, прежде чем утвердил себя как крупнейший советский писатель Туркмении.

Приход Октября застал литературы России в той фазе их развития, когда на творчестве значительного ряда крупных писателей все заметнее сказывалось усиливающееся буржуазное влияние.¹ В годы перед первой мировой войной Горький писал об «упадке социальной этики» и о «понижении самого типа писателей». Это относилось главным образом к литераторам проводившим формалистические, декадентские мистические и тому подобные тенденции. В то же время обстановка кануна революции наполнила литературу предчувствием грозного и неминуемого обновления мира, «вызывала образы непрочности существующего порядка и романтический протест против этого порядка» (К. Зелинский).

Противоречие ретроградных и освободительных тенденций, разграничивавших писателей на противоположные идеиные лагери, было характерно не только для русской литературы. Национально-освободительное движение, заметно усилившееся после 1905 года, стимулировало появление у целого ряда «окраинных» народов новых писательских имен прогрессивного направления; стремление же молодой национальной буржуазии возглавить и «оседлать» освободительную борьбу народов царской России нередко вносило в сознание этих писателей идеи-

иую путаницу, порой отбрасывая их в объятия контрреволюционного буржуазного национализма. Реакционная идеология пантюркизма, панисламизма, джадидизма, муссаватизма и т. п., просачиваясь в молодые национальные литературы, уводила отдельных писателей далеко от путей, какими шел народ.

Нужен был длительный опыт борьбы с белогвардейщиной и басмачеством всех родов и мастей, чтобы лучшие из этих писателей, не прорвавшие связей с народом, преобразили тенденции буржуазного национализма, поняли его контрреволюционную сущность и безоговорочно站али на сторону революции.

Сказанное (в разной степени) относится и к казахскому писателю Мухтару Ауэзову, и к крупнейшему армянскому поэту Аветику Исаакяну, и к туркменскому поэту, прозаику и драматургу Берды Кербабаеву.

Начало литературной деятельности Кербабаева относится к первым годам революции; первое же значительное произведение, поэма «Жизнь женщины», им написано в 1927 году. Современный туркменский поэт и критик Аман Кекилов так пишет об этом периоде работы Кербабаева:

«Поэма привлекла к себе общее внимание. Она рисует жизнь туркменской девушки со дня ее рождения до рождения ее первенца. Поэма написана в несколько измененной форме месневи (рифмующиеся двустишия), принятой в иранской классической поэзии. Строки поэмы текут плавно, написаны точным и простым языком, легко запоминаются. В поэме подробно описаны все обряды, сопровождающие жизнь

девушки, показан взгляд на девушку, характерный для прошлого, и в этом отношении поэма, помимо своих высоких художественных качеств, имеет большое историко-этнографическое значение. Следующая поэма Кербабаева — «Дакылма» («Закрепощенная») тоже посвящена горькой женской доле в прошлом. В дореволюционной Туркмении иногда применялось так называемое обычное право, по которому жена умершего переходила по наследству к его брату, так как за нее был заплачен калым и она считалась имуществом семьи родителей мужа. Нередко бывали случаи, когда овдовевшая женщина должна была стать женой малолетнего мальчика. Зрелая женщина ухаживала несколько лет за будущим мужем, как за своим ребенком. Трагизм положения такой женщины и стал темой поэмы «Дакылма». Необходимо отметить высокую степень реалистичности, истинности, типичности, с которой изображены в поэме действующие лица и весь быт аула того времени. Читая, чувствуешь, что иначе об этом сказать нельзя, вспоминаешь подобные случаи в своем родном ауле». (А. Кекилов. «Очерки туркменской литературы», журнал «Совет Эдебияты», № 4—5, 1944.)

Кербабаев на первых порах своей творческой работы черпал материал и темы из прошлого туркменского народа и редко обращался к советской тематике. Те же его стихи и поэмы, в которых он касался новых явлений жизни, были схематичны и не оставили заметного следа в развитии туркменской поэзии (поэмы «Пересохшие губы», «Белое золото» и др.). Лишь в большой поэме «Аму-Дарья»

(1933 год), задуманной им как гимн организованной и организующей воле советских людей, умеющих преобразовывать не только жизнь, но и природу, поэт сделал решительный и бесповоротный шаг в сторону современности.

...Я думал, благостен разлив Аму весенний,
Нет, разрушителен стремнин его поток.
Когда я увидал бурлящих вод смятенье,
Разнуданный разгул стихий меня увлек
В широкое русло и дум и наблюдений,—
И тут моим глазам представилось виденье.

Вдали, где злой волной домашний скарб ломало,
Плыл лысый человек с густою бородой:
Его несла волна, то брызгами скрывала,
То снова голова всплывала над водой.
Он обессилен был, дыхание спирало,
Но, горло обхватив, волна его держала...

Дав впечатляющую картину стихийной разрушительной силы реки, поэт переносит читателя в глубь Кара-Кумов, где зной и пески душат все живое. Вечно противопоставленные друг другу, вода и пустыня являются врагами человеку, пока человек пассивен и робок.

...Бездонная земля пуста и бесполезна,
Без пользы сквозь нее течет река, змеясь.
Влюбленным тяжело томиться мукой звездной,
Взаимно давно разлукой тяготясь...
Аму, ты зря несешь свои богатства в бездну,
А степь раскалена дыханием железным...

Но человек с приходом советской власти перестал быть робким. Силы природы подчиняются ему, и торе тем, кто задумает противиться человеческой разумной воле:

...Прославленный Аму, внимательнее слушай,
К тебе обращена теперь поэта речь.
Мы повернули мир, он стал светлей и лучше.
Ты против нас один, смирись и не перечь.
За то, что в кишилаки врывался раньше кручей,
Мы покорим тебя, разделим и проучим...

Было бы несправедливо, говоря о начинающейся эпохе взаимоуважения советской туркменской поэзии, обойти работу поэтов-переводчиков. Именно ознакомление с творчеством крупнейших русских классиков (Пушкина, Лермонтова, Некрасова) и лучших поэтов народов СССР (Тараса Шевченко, Коста Хетагурова и др.) оказалось для большинства молодых литераторов Туркмении той школой критического реализма, какой им так нехватало. В практику переводов за последние годы оказались втянутыми почти все поэты; но особенно плодотворно и успешно как переводчик работал поэт Караджа Бурунов, автор интересной поэмы «Терьякеш». К. Бурунов проделал исключительно большую работу по ознакомлению туркменских читателей с русскими и западноевропейскими классиками. В частности ему принадлежат талантливые переводы трагедий Шекспира, с успехом идущих на сцене Туркменского Государственного театра в Ашхабаде. Здесь же уместно помянуть и переводчика русской классической прозы Еямбердыева. Проза Тургенева, Толстого и Гончарова в хороших переводах Еямбердыева весьма способствовала развитию художественного вкуса у туркменских поэтов, стремившихся овладеть секретом реалистического отражения жизни. В дни Отечественной войны Еямбердыев погиб геройской смертью на фронте.

ПРОЗА И ДРАМАТУРГИЯ

1. Рассказ-басня и рассказ-быль.

Принято считать, что до революции туркменской прозы не существовало. Это утверждение мы встречали не раз. Охотно трактуя о великих классиках прошлого — Махтум-Кули, Молла-Непесе, Зелили или Кеминэ, литературоведы неизменно подчеркивали, что все классики — поэты, что прозы Туркмения никогда не знала, не имела и что, следовательно, Берды Кербабаеву, Атакан Дурдыеву, Беки Сейтакову, Кемалу Ишанову и другим советским прозаикам приходится, так сказать, строить на пустом месте. Это глубоко неверно.

Туркмения знала прозу. Только она никогда не была записана и существовала в устной передаче, в фольклоре.

Отрицать существование туркменской дореволюционной прозы можно лишь в том случае, если считать не существовавшими и мастерские новеллы про Кеминэ, и новеллы-анекдоты про хитреца Кесе, и героические, полные динамики и живых деталей, сказания про Кеймир-Кера, наконец, если считать никогда не бывшими народные романы, как «Гер-Оглы», в котором стихотворные куски перемежаются большими прозаическими вставками.

Туркменский народ знал и ценил свою устную прозу, культура которой была, не ниже культуры стихотворной поэмы или лирической песни. Пренебрежение к ней родилось не так давно. Начало его надо искать в бухарских медрессе. Это там мусульманский студент, сын богатых родителей, узнав великую поэзию Ирана и Бухары, научался неуважительно относиться к культуре своего народа и к его фольклору. Рядом с блестящими строфами из «Бустана» или рядом с исхищренными касыдами Муиззи грубоватые рассказы аульных бахши про кобылу Кеймир-Кера или про шубу Кеминэ, конечно, мусульманскому аристократу могли казаться ничего не стоящими «мужицкими сказками».

Буржуазные националисты охотно и старательно пропагандировали этот взгляд в печати.

Туркменская советская проза зародилась одновременно с поэзией, в 1927—1930 годы, но развитие ее в силу указанных причин шло гораздо более замедленными темпами. Старейший из советских поэтов Дурды-Клыч, как мы видели, является автором многих устных прозаических новелл. Эти новеллы никем не записываются. Не записываются и устные рассказы Ата-Салиха. Предвзятое отношение к народной устной прозе пустило настолько глубокие корни, что, когда газета предъявила требование на очерк и маленький рассказ, писатели стали учиться искусству прозаического повествования не у своих туркменских предшественников, народных сказителей, а у писателей-прозаиков Татарии и Узбекистана, чьи книги в те годы имели широкое хождение в Туркмении.

О прямом влиянии татарских и узбекских

писателей на зарождение туркменской письменной прозы говорят в своих автобиографиях и Кемал Ишанов, и Беки Сейтаков, и Нурмурад Сарыханов, и Чары Аширов, и другие туркменские прозаики.

Любопытно воспоминание Чары Аширова о том, как ему впервые пришла мысль писать не только стихи, но и прозу.

«Первой прозаической книгой, какую я увидел, была книга «Кассасиль Нибиа», — рассказывает Аширов. — До этого я прочел немало поэтических произведений и не удивлялся им. Но книга, написанная прозой, поразила меня и впервые заставила задуматься над природой художественного творчества. Как это сочиняют книги, в которых все, как в жизни? — стал я думать. Мне никогда не написать такой книги. Я вот хожу по улицам, ем, пью, ложусь спать и не вижу того, о чем бы можно было сочинить книгу. Надо, наверно, очень много увидеть и ездить по разным странам и все узнать, чтобы написать такой большой рассказ. Я этого никогда не сумею».

Примерно так же высказывается и Кемал Ишанов. Сочинение стихов не казалось молодым литераторам делом особенно сложным. Поет пастух, идя за стадом; поет арбакеш; поет дайханин; поет девушка, отдыхая с кувшином у арыка. Придумать песню не трудно, а стоит ее записать на бумаге, вот и стихотворение. Прозаический рассказ другое дело. «Надо все продумать, все увидеть, быть мудрым, как аксакал, узнать причину поступков разных людей и лишь потом садиться сочинять рассказ или новость».

Но газета — этот распорядитель судеб молодых писателей в годы зарождения туркменской письменной литературы — требовала не только стихов, были нужны и рассказы, и очерки.

Писание газетных очерков и злободневных рассказов для большинства молодых литераторов Туркмении оказалось хорошей школой, углубившей их отношение к художественному творчеству. Стихотворение могло быть общим — без сюжета, без показа людей, их мыслей и их поступков. Проза же опускала молодых литераторов с условных поэтических высот на землю и заставляла вглядываться и вдумываться в жизнь. Работа над прозой, — а в других случаях над пьесой, — оказалась для туркменских писателей расширением школы реализма, которую им всем предстояло пройти.

На первых этапах развития туркменской прозы писатели старались не отрываться от того, что они испытали или что хорошо учили. Связанный ояд лет с Коасной Аомией, Кемал Ишанов начал свою работу прозаика с очерков о красноармейской жизни. То же и Нурумурал Сарыханов. Их можно считать первыми оборонными писателями Туркмении. Беки Сейтаков, то самых последних лет работавший в районе, в своих первых рассказах — «Коммуна», «Борьба» и логих — рассказывает о разных случаях аульной жизни.

При этом лидактизм и схематичность, свойственные стихам, оказались и на первых шагах прозы. Многие из рассказов молодых писателей Туркмении до сих пор еще являются как бы пасионечной басней с обязательной моралью в конце.

Вот жил мальчик-грязнуха, — рассказывает Агахан Дурдыев в рассказе «Сигнал», — он был так грязен, что даже заболел от нечистоплотности. Его лечил знахарь-табиб, и мальчик едва не умер от знахарского лечения. Мальчика отвезли в больницу, и доктор спас его. Мораль — не будьте грязнухами, не лечитесь у знахарей, если заболели, идите к доктору.

Жил-был аульный парень, недотепа и трус. Все над ним смеялись, и, когда его задумали женить, ни одна девушка не согласилась стать его женой. Но недотепа попал в Красную Армию и возвращается оттуда настоящим джигитом. Таково содержание повести Агахана Дурдыева «Счастливый юноша».

Мораль первого рассказа Кемала Ишанова, помещенного в газете «Кизыл Кошун» в 1935 году, заключается в том, что красноармеец должен быть дисциплинированным и никогда не нарушать распорядка казарменной жизни. Навязчивая, «выпирающая из текста» мораль была характерна и для других туркменских прозаических произведений ранней поры. При этом мораль обычно не вытекала из правдивости и жизненности сюжета, а произвольно двигала сюжет и распоряжалась поступками героев.

Материалом для рассказов чаще всего была жизнь аула. Быт колхоза, столкновения, возникающие в результате борьбы нового со старым, доля женщины прежде и теперь, борьба против байства — вот темы почти всех ранних туркменских повестей и рассказов.

В рассказе «Акча-Гуль» Беки Сейтакова (1937 год) показана борьба остатков байства против передовых колхозников. Враги колхоза,

враги советской жизни, Дурды и Ореэ, убивают передовых колхозниц комсомолок Акча-Гюль и Биби-Гюзел. Пролетарский суд карает преступников.

В повести «Меред» Агахана Дурдыева баян Алла-Берды, Реджеб и Рахим готовят покушение на председателя сельсовета Нур-Гельды. Передовой дайханин Меред спасает председателя. Баян арестованы.

Аулу посвящены и другие рассказы Дурдыева: «Красавица в лапах беркута», «Голос большевистской пушки», «Анна-Гюзель обладает правами», «Ударник тракторист». Иногда это аул прошлого, чаще колхозный аул. В центре большинства рассказов обычно стоит женщина. Разница между трагической долей женщины до революции и счастливой судьбой раскрепощенной туркменки в первую очередь привлекла внимание туркменских прозаиков. Доле женщины посвящена первая крупная повесть Берды Султанниязова «Гюзель»; о том же большинство рассказов Дурдыева и Сейтакова.

Недостатки этих произведений — в отсутствии каких-либо индивидуальных черт у их героев. Стремясь раскрыть как можно убедительнее классовый характер столкновений, писатели показывали бая вообще, и коммуниста вообще, и колхозницу вообще, боясь придать им какие-либо живые черты реально существующих людей.

Гюзель из повести Султанниязова точь в точь похожа на Акча-Гюль из рассказа Сейтакова или на Эджекыз из повести Дурдыева «Меред». Их можно различить только по име-

нам, как только именем бай Реджеб у Дурдыева отличается от бая Дурды у Сейтакова.

Произведениями, знаменующими более высокую степень развития туркменской прозы, явились рассказы Сарыханова «Последняя кибитка» и «Желание» (1938—1939), некоторые новеллы Чары Аширова, повесть Ата-Каушутова «Перман» и большой исторический роман «Решающие шаги» («Артык») Б. Кербабаева.

Нурмурад Сарыханов, еще учась в Ташкенте на курсах журналистов, стал читать узбекских беллетристов, произведения которых произвели на него большое впечатление. Вступив в 30-м году в ряды Красной Армии, он написал первый рассказ из красноармейской жизни «Стрельба» (1931). В 1934 году вышла его книга «Горячие дни» — повесть о борьбе с басмачеством.

Повести Чехова «Палата № 6» и «Человек в футляре», которые он прочел в туркменском переводе, открыли молодому писателю глаза на многие стороны творческой работы, о каких он прежде не задумывался. Он понял значение реалистической художественной детали, понял значение психологического обоснования поступков выводимых в рассказе лиц. «Желание» и «Последняя кибитка» несут на себе явственные следы благотворного влияния Чехова.

В первом рассказе аульные дайхане, старик со старухой, Аман-ага и Джамаль-Эдже ждут сына, который служит в Красной Армии. Старики мечтают, что вот сын вернется домой, молодой бравый красавец, женится и у них будет кого пянчить на старости лет. Они уже присмотрели под подходящую девушку в невестки. Но однажды

ды старики поехали в город навестить сына — и в командирском общежитии им открыла дверь русская женщина. Это была жена сына, который приготовил родителям «сюрприз». Старики растеряны. Русская невестка! Да как они расскажут об этом в ауле, да что скажут соседи! Но женщина так приветлива, так ласкова, что старики мирятся со случившимся. Ничего не поделаешь; все в жизни изменилось, и сына не узнать в военной форме. Надо привыкать жить по-новому.

В рассказе «Последняя кибитка» старик-колхозник Комек-ага получает в виде премии новый дом. Он мечтал с женой об этом целый год, но, когда пришло время переезжать, старики загрустили. Крытая кошмой, прокоптелая кибитка была свидетелем всей их жизни. Может быть, взять ее с собой и поставить во дворе нового дома: собаку и ту не выгоняют со двора, когда она ослепла, а тут ведь кибитка, дом, в котором и жили, и страдали, и любили не один десяток лет.

В последнюю минуту, однако, старики решаются навсегда покончить с прошлым и сжигают кибитку. Но его жена старая Огуль-Герек-Эдже успевает отрезать на память кусок кошмы, который и поедет с ними в новый дом как свидетель прошлого.

Сарыханову удалось избежать навязчивого морализирования; его старики не только имеют имя, но имеют и душу и характер. И Чехов был бы рад узнать, что в закаспийской степи его умеют читать и понимать.

Успехом молодой прозы нужно считать и повеллу Аширова «Улыбка арчина». В ней

рассказывается о прошлом. Но в ней нет бедного дайханина вообще и бая или мираба вообще. Отец лица, от которого ведется рассказ, бедняк, но он не стандартный страдалец-бедняк, которого давит бай-кровосос. У Назара озорной, неподатливый характер. Он не спустит баю ни в слове, ни в деле. Он и байскую овцу украдет у всех на глазах и ответит дерзко на байскую угрозу. В новелле Аширова повествуется о судьбе семьи Назара, который в поисках лучшей жизни покинул родной аул и ушел искать счастье на новых местах. Живость языка, своеобразие очерченных характеров, скучность диалога позволяют нам рассматривать рассказы Сарыханова и Аширова как первые признаки того, что проза Туркмении уже выбивается из поры раннего ученичества и готовится к решению серьезных задач.

Серьезной попыткой такую задачу решить явился большой роман Берды Кербабаева «Решающие шаги» («Артык»), первый том которого был опубликован непосредственно передвойной.

Это, бесспорно, первое по-настоящему значительное явление туркменской прозы.

Берды Кербабаев задумал воссоздать жизнь Туркмении за последние тридцать лет во всей ее полноте. Писатель прекрасно знает историю и быт родного народа. Все особенности дореволюционной аульной жизни, ее приоду, сложность и косность внутриаульных отношений, особенности хозяйства аульного дайханина, находящегося в кабале у баев, мирабов и родовых старейшин, беспроственное и безысходное положение туркменской девушки, обречен-

ной быть лишь товаром, на который вправе зариться каждый, кто побогаче, желание юноши, бедняка Артыка, выбиться из нищеты и бесправия, произвол местных властей, робкая дружба туркменского парня с русским железнодорожником, раскрывающим Артыку глаза на природу бесправного положения, в каком оказались туркмены, первые надежды Артыка на возможность добиться освобождения путем организованного сопротивления насилию властей и первые шаги его по пути активной борьбы за лучшее будущее для себя и для своего народа,— все это (а также туркменская природа, обычаи туркменской старины, бытовые обряды) нашло свое выражение в романе в ряде ярких и запоминающихся эпизодов, рассказанных зорким и вдумчивым писателем. Пока роман не окончен, трудно судить, насколько успешно удастся справиться автору с правдивым показом всех особенностей революционной борьбы туркменских бедняцких масс за свое освобождение. Революция на Востоке протекала в специфических условиях, во многом отличающихся от особенностей революционной борьбы в России. Но опубликованные главы дают основание надеяться, что Кербабаев найдет в себе силы осуществить поставленную им перед собой трудную и благодарную задачу.

Первый том «Решающих шагов» читается с неослабным интересом; появление его мы смело можем рассматривать как начало становления художественной прозы у туркмен.

Драматургии туркменская классическая литература не знала. Но, если говорить об искусстве диалога, этого существеннейшего элемента всякой пьесы, то в туркменском фольклоре он доведен до высокой степени совершенства. Короткий анекдот-рассказ о Кесе или такая же короткая новелла о Кеминэ в основном строились на диалоге. Описательная часть фольклорной новеллы, переходя из уст в уста, варьировалась и видоизменялась в зависимости от индивидуальных качеств рассказчика и от условий, в каких велся рассказ; диалог же (в нем был смысл новеллы) оставался неизменным или почти неизменным. Нами записано несколько десятков вариантов рассказов о Кеминэ. Во всех этих записях диалог одинаков, хотя повествовательная часть, служащая для него рамой, порой совершенно различна.

В диалогах Кеминэ и муллы Пира или Кеминэ и озорной красивой молодицы Халли, как и в диалогах рассказов про Келя (излюбленного героя сатирических сказок) или про Кесе, нужно видеть зачатки народной драмы, не получившей развития лишь в силу условий дореволюционного аула.

Известный анекдот о Кеминэ и его ленивой, легкомысленной жене в двух различных вариантах звучит так:

Вариант первый.

«Сперва у Кеминэ была очень хорошая, терпеливая жена. Но потом она умерла, и он женился второй раз. Эта жена оказалась дурной женщиной. Она совсем не заботилась о Кеминэ».

Предпочитала гулять. Дома она никогда почти не бывала.

Вот один богатый туркмен, который хотел посмеяться над поэтом, спросил его:

— Правда ли, Кеминэ, что твоя жена гуляющая? Она только и делает, что шляется повсюду.

— Чепуха какая,— ответил Кеминэ.— Если бы она шлялась всюду, она бы забрела и ко мне в кибитку. А этого никогда не бывает».

В другом варианте, записанном в том же году (1936), отсутствует повествовательная часть о первой умершей жене поэта и не говорится, что спросивший про жену был богатый туркмен. Второй вариант звучит так:

• «Многие смеялись над тем, что жена Кеминэ такая беспутная женщина, что оставляла поэта без обеда и больше предпочитала сидеть в гостях у соседок, чем прибираться по хозяйству.

Вот один из тех, кто не любил, что Кеминэ над всеми смеется, сам решил посмеяться над шахиром.

— Бедный Кеминэ,— сказал он,— правда ли говорят, что твоя жена гуляющая? Она только и делает, что шляется повсюду.

— Какая чепуха,— ответил Кеминэ.— Если бы она шлялась повсюду, она бы забрела и в мою кибитку. А этого никогда не бывает».

Диалог один и тот же, хотя обрамление различно; ответ поэта насмешнику как бы готовая реплика для комедии. Стоит познакомиться со всем большим циклом «словечек» Кемина, чтобы убедиться в наличии драматургических элементов в фольклорном богатстве туркменского народа.

Революция создала условия для превращения этих элементов в развернутые театральные представления.

Драматические агитколлективы стали стихийно возникать в самых различных уголках освобожденной страны еще в те месяцы, когда в закаспийских песках не затихла гражданская война. В своем большинстве это были коллектизы молодежи, использующие инсценировки политических статей или драматизацию народных бытовых праздников и игр для политико-пропагандистской работы.

Народные игрища, в том числе и такие, которые носили характер религиозных радений (как, например, шаманство народов севера или туркменские зикры), искони были насыщены элементами театра.

Любой туркменский той или киргизская байга, любая свадьба или похороны у народов Кавказа, так же как любое празднование уразы или рамазана, всегда сопровождались сложным игровым обрядом, где и слова и жесты выполняли заранее предназначенную функцию, (в зависимости от характера обряда). Элементы народного театра можно различить и у маддахов Хивы, и в петрушечных представлениях Ферганы и Самарканда, как и в весенних и летних хороводах народов Поволжья.

Традиционные рассказы маддахов, любимые равно и на базарах Бухары и в кишлаках Ташауза, с первых же лет революции стали успешно приспосабливаться агитаторами и пропагандистами для проведения «разъясняющей» кампании по основным вопросам политики советской власти. В Туркмении к концу 1920 го-

да уже существовало двенадцать драматических агитколлективов. Подобные же агитколлективы возникали в те годы и в Якутии, и в Киргизии, и Удмуртии, и в Узбекистане, и в Бурято-Монголии. Они-то и подготовили рождение национального театра. Иные агитколлективы тех лет, пройдя сложный путь развития, превратились позднее в мощные явления советского национального искусства, как, например, театр имени Хамза в Узбекистане или Туркменский театр в Ашхабаде. Эти же агитколлективы явились школой драматургии для многих литераторов, ныне считающихся основоположниками национального театра.

Первыми пьесами, какие ставились в туркменских агитколлективах, были пьесы татарских и реже узбекских драматургов.

Зрители с увлечением следили за игрой актеров, даже в том случае, если и не понимали языка, на каком пьеса написана. Но все же зритель ждал пьес, понятных ему; и уже в самые первые годы революции такие пьесы-инсценировки стали появляться. Жители города Кизыл-Арвата рассказывают, что в 1920 году рабочие ремонтных мастерских с увлечением ставили пьесу «Фронт», написанную одним из местных рабочих Аширом Юзбашевым. Пьеса эта не была напечатана и до нас не дошла. Создавались пьесы и в других драматических кружках, мы с них тоже ничего не знаем. Рахмет Сейдов рассказывает, что в педтехникуме, где он учился, им была написана пьеса «Победа». Она не сохранилась. Таким образом, мы не располагаем никаким материалом о самых первых попытках туркменских писателей создать

национальную пьесу. Историю развития туркменского театра мы можем проследить примерно с 1926 года, когда в Ашхабаде при совпартшколе сформировалась первая театральная студия. Студией руководил талантливый актер-самоучка Мурад Казаков, учениками же ее были студенты совпартшколы, среди них Аман Кульмамедов (ныне народный артист ТССР), Базар Аманов (ныне писатель-драматург, автор инсценировки «Эзхре и Техир») и др. Из этой студии позднее и вырос национальный Туркменский Государственный театр.

На первых порах театр ставил переделки татарских и европейских пьес и написанные студистами инсценировки различных переводных произведений. Интересно отметить, что все женские роли во всех пьесах, как правило, исполнялись мужчинами.

Националисты всячески пытались опорочить самую идею национального театра. Но театр рос и от постановок переделок и инсценировок постепенно перешел к оригинальному туркменскому репертуару. Творцами этого репертуара стали либо актеры театра, либо те из зрителей, кого не удовлетворяли переводные «перекройки», не всегда доступные и интересные туркменскому зрителю.

Именно так возникли пьесы Мереда Клычева «Свет» (из колхозной жизни в 1933 году) и «Кара-Кумы» (из периода борьбы с басмачеством), пьесы Агахана Дурдыева «Человек под маской» (впервые разыграна в 1933 году в красноармейском клубе), «Комсомольцы нашего колхула» и др.; пьесы Агамамедова «Колхозный той», «Трактористы», «Сын Октября»

и др.; пьеса Кемала Ишанова «Красноармеец» (из периода гражданской войны). Так же возникли и пьесы наиболее крупных драматургов Туркмении — Алты Карлиева: «Айна» и «16-й год», Базара Аманова: «Зохре и Техир» и Каушутова: «Джума».

3

Об этом периоде зарождения туркменской драматургии хорошо рассказывает в своей автобиографии драматург Алты Карлиев. Поскольку эта автобиография нигде не опубликована, приведем ее полностью.

«Родился я в 1909 году и до 1927 года жил так, как жило большинство сыновей бедняков-дайхан. Я был чолуком, подпаском у байских пастухов, и вместе с пастухами жил и зиму и лето у колодцев Кырк-Кую. Большую часть времени я проводил в песках. Возвращение на кош, зимнюю стоянку пастухов, было для меня праздником, так сказать, возвращением в большую жизнь. А эта большая жизнь заключалась в том, что на коше я видел не тысячу овец, как в песках, а десять тысяч; не трех собак, а тридцать или сотню, и не одного пастуха, а сразу двадцать или сорок пастухов. Все равно, от коша до родного аула было далеко, как до луны. Пастухи пели песни, рассказывали сказки, вспоминали свою жизнь. Кругом дули ветры пустыни, выли шакалы и на пустом небе всходила холодная луна. Я догадывался о том, что не всюду на земле люди живут так, как я, но я не знал другой жизни. И жил так до 1927 года, когда вернулся в аул.

Я был в то время неграмотен, мне было во-

семнадцать лет, и я не видел еще ни одного русского человека.

В ауле уже несколько лет как существовала школа ликбеза. Я стал посещать ее, там я впервые увидел книги, увидел картинки в книгах и впервые познакомился с чужими людьми, которые строили неподалеку от аула плотину. Эти незнакомые люди (русские) носили не наши одежды, говорили на языке, какого я не понимал, носили галстуки, о которых я не имел понятия.

«Стану и я таким, как они», — решил я и убежал в Теджен.

Там я увидел первый раз в жизни спектакль; ставили какую-то татарскую пьесу.

«Пожалуй, я тоже смогу так подражать другим людям», — подумал я.

Но денег у меня не было, чтобы жить в городе, и я вернулся в аул. Туда вскоре приехал из Ашхабада ученик драматической школы.

«Поедем со мной в Ашхабад, — сказал он, — как-нибудь устроимся». Я так и сделал.

В Ашхабаде меня удивило все: и дома, и автомобили, и люди. Куда-то все бегут. Куда они бегут?

Мне повезло. Драматическая школа объявила набор учеников. Мест было семь, а желающих попасть тридцать. Но недаром, верно, я еще в песках любил передразнивать каждого пастуха. В числе семи принятых был и я. Мне дали русскую одежду. Это было одно из самых сильных переживаний моей жизни. Я все ходил по улицам, сам не свой от счастья, и слушал, как стучат по камням каблуки моих сапог. Это были первые сапоги с каблуками в моей жизни.

«Я теперь точно единственный сын бая, за которым он ухаживает, как за любимым котом», — думал я, не веря своему счастью.

Через два года меня послали продолжать образование в Баку. Там я сильно вырос и там впервые серьезно задумался над тем, чтобы стать драматургом. Я сто раз смотрел «Гамлета» и полюбил Шекспира, как прежде любил «Саят и Хемра». Начал понимать по-русски. Начал читать по-русски. Прочел Гоголя, не все понял, но все понравилось.

Из студентов-туркмен в Баку составился драматический кружок. Решили поставить пьесу, а туркменских пьес не было. Тогда я сам решил сочинить драму. Сел вечером к столу, писал всю ночь, и к утру пьеса была готова. Это была «Анна Гюль», пьеса в 4-х актах. Я использовал газетный материал о девушке, которую убили в Чарджоу за то, что она осмелилась ходить в школу. На другой день уже состоялась первая репетиция, а через несколько дней и премьера. Спектакль всем понравился, и я решил, что буду драматургом.

В 31-м году я вернулся в Туркмению. Написал пьесу «Пахти» («Хлопок»). Это была примитивная агитка, но играли ее по многим колхозам, и всем нравилось, что вот на сцене бедняк бьет кулака.

В 35-м году я написал первую серьезную пьесу «Айна» из колхозной жизни. Показал, как кулаки, играя на том, что сын за отца не отвечает, посыпают кулацкого сына в колхоз для вредительства. Героиня пьесы «Айна» тоже кулацкая дочь, но она идет в колхоз честно и разоблачает вредителей.

Пьесу поставил гостеатр, и ее много играли в колхозах.

Через три года я написал следующую пьесу — «16-й год».

Автобиография Карлиева — живая иллюстрация к истории туркменской драматургии. Под влиянием переводных пьес, увиденных в театрах, молодые писатели сперва создавали нехитрые агитки, и постепенно переходили к пьесам, более углубленно отражающим жизнь.

Пьеса Карлиева «Айна» во многом напоминает первые повести из колхозной жизни Беки Сейтакова, Дурдыева, и к ней приложимо все, что было сказано об этих произведениях. Но уже «16-й год» показывает, как быстро росло дарование и опыт А. Карлиева. Эпизод восстания таджикских туркмен в 1916 году Карлиев сумел облечь в сценическую форму, полную действия. Крепкая сюжетная завязка и умелое развитие действия искупают недостатки пьесы, слабую очерченность характеров и ряд чисто исторических лягусов.

Из пьес, написанных в предвоенные годы, следует отметить пьесу Ата Каушутова «Джума», «Зохре и Техир» Базара Аманова, комедию Эсеновой «Шемшат» («Дочь миллионера») и лучшую историческую пьесу туркменского театра, трагедию Б. Аманова и К. Бурунова «Кеймир-Кер».

Пьеса Базара Аманова «Зохре и Техир» — иносценировка одноименного романа Молла-Непеса. Автору удалось сохранить очарование этого популярнейшего из произведений туркменской классики, и успех, каким пользуется спектакль у зрителя, вполне заслужен. Пьеса Ама-

нова заслуживает внимания еще и потому, что она явилась первым серьезным опытом использования в драматургии материалов классического наследства.

В 1938 году увидели свет рампы пьесы Каушутова «Джума» и комедия Эсеновой «Шемшат».

В пьесе «Джума» показана туркменская жизнь периода обостренной борьбы с басмачеством, пьеса же Эсеновой — первая попытка создать туркменскую комедию на современном материале.

В основу сюжета Эсенова положила историю злоключений ксёровщицы-колхозницы Шемшат и колхозного джигита Акмурада, счастливой любви которых мешают многие обстоятельства — и нежелание отца видеть своим зятем Акмурада, и усиленное сватовство к Шемшат заведующего кооперативом, дурака Чакана, и прямые происки врагов. В конце концов заговор недругов Акмурада раскрывается, влюбленные добиваются своего, и старик Непес, отец Шемшат, соглашается ради счастья дочери забыть семейную вражду с домом своего будущего зятя.

В пьесе Эсеновой не мало комедийных положений. Язык действующих лиц, пересыпанный народными поговорками и пословицами, ярок и жив. Для недавнего автора холодноватых од «Шемшат» является крупной победой. Но эта комедия не только удача Эсеновой, «Шемшат» — при всех ее недостатках (надуманность некоторых фигур и не всегда умелое развитие интриги) — явление значительное и для всей туркменской драматургии.

В ДНИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1

Туркменская литература, преодолевая трудности роста, вступала в пору зрелости, когда гитлеровские орды вторглись в пределы СССР. Для советских литераторов начался период непосредственного участия в борьбе против врага, угрожавшего гибелью всему, что составляет существо¹жизни советского народа,— его свободе, независимости, чести и культуре.

Литературе народов СССР ничего не пришлось менять в своей основе при переключении с мирных условий на военные. Подлинная сущность советской культуры всегда была смертоносна для фашизма. Наша литература гуманистична в лучшем смысле этого слова; но идеалы гуманизма и требуют, чтобы был уничтожен фашизм, злейший враг человечества. Наша литература пронизана братским чувством ко всем свободолюбивым народам, но Сталинская дружба народов и стала одной из основ, предопределивших разгром фашизма, ненавистника народов. Советская литература, носительница высоких идеалов и целей, направленных на благо народа, всегда боролась с формалистическими излишествами и выкрутасами: но интересы

вооруженного народа и потребовали от литературных произведений простоты и доходчивости, чтобы они способны были волновать сердца десятков миллионов бойцов, поднявшихся на защиту отечества, и многие миллионы героических тружеников тыла. Советская литература по-настоящему оптимистична и действенна; но вера в свои силы и свое будущее и определяла поступки советских людей даже в самые трудные месяцы войны. Беззаветная любовь к своему народу и к своей стране всегда лежала в основе всех творческих замыслов всех лучших произведений советской литературы, бывшей на всех этапах своего развития глубоко и подлинно патриотической.

В первые же дни войны значительная часть литераторов ушла на фронт, чтобы с оружием в руках или в качестве сотрудников фронтовых и военных газет защищать независимость родины. Писатели, оставшиеся в тылу, также отдали все свои силы и способности делу обороны советской отчизны. Отечественная война, не меняя ничего в основах советской культуры, потребовала от каждого литератора еще большей, чем в годы мирного строительства, мобильности и оперативности, ибо художественное пропагандистское патриотическое слово было нужно сражающемуся народу, как хлеб, как оружие.

Первый этап войны характеризовался в литературе коротким призывным патриотическим стихотворением, публицистической агитационной статьей или военной корреспонденцией.

Важнейшей задачей, стоявшей перед литераторами в первые месяцы войны, было позднить ненависть народа к врагам, раскрыть читателям

глаза на глубину опасности, разверзшейся перед страной. Проникновенные слова Сталина, с какими великий полководец и отец народа обратился ко всем советским гражданам 3 июля 1941 года, стали для всех литераторов СССР боевой творческой программой. Советские писатели, выполняя призыв вождя, своими произведениями стремились мобилизовать все силы народной души для отпора кровавому, коварному и грозному врагу.

Первый этап войны закончился в декабре 1941 года разгромом фашистских орд под Москвой. Миф о «непобедимости» немецких войск был развеян. Но опасность, нависшая над страной, продолжала оставаться и грозной и смертельной. Перед писателями попрежнему стояла задача расширять и углублять оборонно-пропагандистскую работу, чтобы всеми средствами художественного слова способствовать победам на фронте и в тылу.

На втором этапе войны (закончившемся сталинградской победой) потребовалось, чтобы наряду с короткими агитационными произведениями создавались и более значительные вещи, способные отразить грандиозность событий, переживаемых народом. Читатели хотели, чтобы в литературе были показаны не только отдельные боевые эпизоды или героические подвиги людей фронта и тыла, но и все те глубокие процессы народной жизни, которые вызваны войной: процесс укрепления мужества народа и углубления жгучей ненависти его к насильникам; процесс дальнейшего сплочения всех советских народов в единую братскую семью, поднявшуюся на защиту своей матери-родины;

процесс мобилизации сил тыла на помощь фронту и процесс непрерывного роста боевого мастерства бойцов и командиров Красной Армии. Напрягая все силы в смертельной схватке с врагом, народ оглядывался на прошлое и хотел читать книги о патриотических подвигах своих предков, не раз грудью защищавших отчество от захватчиков. Наконец интересы сражающегося народа требовали, чтобы в художественных произведениях нашли свое отражение те великие моральные качества, которые проявил советский человек в борьбе за существование и свободу своей советской родины. Лучшие произведения советских писателей, созданные за это время, и являются творческим ответом на тот спрос, какой к ним справедливо предъявляла страна по мере развития военных событий.

Туркменские поэты, прозаики, драматурги и народные шахиры не остались в стороне от задач, какие была призвана выполнять советская художественная литература в дни Отечественной войны. На первую весть о вероломном нападении фашистов они откликнулись многочисленными патриотическими произведениями в прозе и в стихах. «Мы идем вперед», «Курбан Дурды» Дурды-Клыча, «Песня отважных» Берды Кербабаева, «Сталину», «Мой наказ», «Молодцы», «К мести взывает отчизна» Ата-Салиха, «Мой народ» Кара Сейтлиева, «Клятва» и «Моему другу партизану» Рухи Алиева, «Матери героя» Таушан Эсеновой, «Сталин» Дж. Мантона, «Клятва родине» Д. Агамамедова и большое количество других стихотворений, появившихся в туркменской печати в первые

месяцы войны, выражали чувство гнева, охватившего туркменский народ при известии о нападении на Советскую страну оголтелого фашизма; выражали чувство великой любви к родине и чувство пламенной преданности тому, кто 3 июля обратился к народам СССР с потрясшими сердца словами: «братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои...»

...Эй, фашисты, ствол гнилой, свора злых собак,
Ваше солнце, месяц ваш на закат идет,
Пусть родившийся рабом лижет ваш сапог,—
Цели вам достичь не даст храбрый мой народ...

(Из стих. Ата-Салиха «Мой наказ».)

...Если выйдешь на немецких бешеных собак,
Крепко бей и твердо стой,— мой тебе наказ.
Чтобы сгинул под землей озверелый враг,
Средь героев будь герой,— мой тебе наказ.

С гордой песней боевой ты иди вперед!
Так, меньшого наставляя, скажет старший брат.
Только смелого успех в каждом деле ждет,
Будь таким, как Гер-Оглы,— мой тебе наказ...

(Из стих. Ата-Салиха «Мой наказ».)

Война героям не страшна —
Они отважней львов.
Врагу навстречу шлет страна
Разгневанных сынов.
Я вороного оседлал,
Достал клинок отца;
Сверкнул, как искры на мече,
Суровый взгляд бойца.
В рассветных легких облаках
Гудящий сокол взмыл;
Я вижу алую звезду
На развороте крыл,
Миллионы нас,— я не один:

Наш предок Гер-Оглы;
За Сталина рванулись в бой
Туркменские орлы...

(Из «Песни отважных» Б. Кербабаева.)

Когда газеты сообщили о присвоении в 1941 году бойцу-туркмену Курбану Дурдыеву звания Героя Советского Союза, писатели откликнулись на это радостное для каждого туркмена известие целым рядом произведений самых разных жанров.

Б. Кербабаев написал пьесу «Курбан Дурды» и киносценарий о нем же «Сын народа»; Д. Агамамедов большое стихотворение «Герой Курбан Дурды»; народный шахир Ата-Салих посвятил туркменскому герою несколько песен. Образ советского воина, дайханина Дурды, пролившего кровь за советскую отчизну, вошел в туркменскую военную поэзию так жеочно, какочно вошли в нее имена легендарных героев прошлого — Гер-Оглы, Кеймир-Кера и других героических образов фольклора.

Обострение чувства национального достоинства, оскорбленного расистским бредом Гитлера, вызвало в Туркмении (как и у других народов СССР) усиленный интерес к героическим страницам своего прошлого. Гер-Оглы и легендарный герой XVIII века, сплотивший туркменские племена для отпора Надир-шаху, Кеймир-Кер стали излюбленными образами поэзии военных лет.

«Львы-деды глянуть бы пришли на внуков-львов», — пишет поэт Дурды Халдуруды в поэме «Днепр», воспевая доблесть советских воинов, и перечисляет этих «львов-дедов», пришедших

глянуть на «львов-внуков»: Богдан Хмельницкий, и Кеймир-Кер, и Гер-Оглы, и Минин...

В поэме «Потомки богатырей» тот же поэт (Халдурды за время войны неизмеримо вырос и занял в туркменской поэзии одно из ведущих мест) говорит:

Сыны Довлет-Яра мы,
Юсупа и Гер-Оглы,
В гнезде Кеймир-Кера мы,
Вскормленные им орлы.

Мы тигры Черных песков,
Мы львы нагорных высот.
Страницу вписал клинком
В историю наш народ...

Каждый из нас Гер-Оглы,
Мечен в страде боевой;
В огне он, как сын золы,
В воде — точно брат с волной...

В небе — что кречет, крылат,
В степи — что ветер, быстёр,
В атаке под ним Кыр-Ат,
И враг раздавлен и стерт.

Заветы отцов блюда,
Древнюю доблесть храня,
Туркмен по зову вождя
Сегодня сел на коня...

Другой поэт-фронтовик Дж. Мантон, обращаясь к Сталину, говорит:

Не справится с таким батыром враг.
Не поживится нашим миром враг.
Столкнулся с новым Кеймир-Кером враг.
Как сыновей, отважных любит Сталии.

Молодой поэт Караг Сейтлиев, снискавший во время войны широкую популярность у туркмен-

ского читателя, заканчивает торжественную оду, посвященную им герою Курбану Дурды, такой строфой:

Кипи, играй же, вдохновенье, вселенной расскажи о нем:
Он там, где Гер-Оглы, родился и тем же напоен
огнем;
Он стал, отчизны сый отважный, народу своему щитом,
И, точно витязь «Шах-намэ», через века пройдет, как
гром.
И будет в сердце миллионов сиять бессмертной славой
он.

(Стих. Кара-Сейтлиева «Курбан-Дурды».)

Рахмет Сеидов, в дни войны работавший много и плодотворно, восклицает, воспевая родную страну:

Какие дни, Турмения,
Пылают над тобой!
Твои сыны, Турмения,
С врагом вступили в бой.

Тому свидетели века:
В огне боев росли
Твой Гер-Оглы и твой Кеймир
И твой Махтум-Кули...

(Стих. Р. Сеидова «Мы победим».)

Усиленный интерес к героическому прошлому родного народа вызвал к жизни пьесу Хаджа Шукурова «Ханский карай» (о восстании хивинской бедноты против последнего хана Хивы Аспендиара) и трагедию Берды Кербабаева «Махтум-Кули». Обращаясь к образу великого поэта XVIII века, Кербабаев в этой пьесе настойчиво подчеркивает, что основоположник туркменской поэзии был не только творцом

бессмертных стихов, но и непосредственным участником борьбы туркменских племен с хивинскими захватчиками.

Берды Кербабаеву принадлежит и самая значительная из поэм, созданных туркменскими поэтами за время войны,— «Айлар».

Колхозная трактористка Айлар в поисках своего возлюбленного Халлы, пропавшего на фронте без вести, отправляется в действующую армию в качестве медсестры. Захваченная немцами, она проявляет стойкость и мужество; ее ждет смерть, но счастливое стеченье обстоятельств позволяет девушке бежать. Айлар попадает в партизанский отряд. Тяжело раненную, ее находит ее друг Халлы; с ним вместе после излечения Айлар будет продолжать борьбу против лютого врага. Таково краткое содержание поэмы. В нем немало запоминающихся строф, как рисующих счастливую жизнь в туркменском колхозе до войны, так и рассказывающих о суровом мужестве и боевой страде людей фронта:

Полдневный свет, играя серебром,
Наполнил мир сверкающим обильем.
Ломай, поэт, свой жалкий карандаш,
Мы в равных образах восторг не выльем.
Стоят в зеленом бархате сады,
На ветвях, как дюйме, висят плоды,

Деревьям, разноцветные, на плечи
Они отрадной тяжестью легли.
Вот яблоня, клоня все ниже ветви,
Ладонями касается земли.
В листве, в траze пестрея, сочный плод
Вкусить от сладости своей зовет.

А виноград? Как много в гроздьях ягод,
И с женский палец каждая длиной...

В колхозе празднуют сегодня свадьбу,
На весь колхоз кипит веселый той.
Все радуются нынче — млад и стар.
Их счастье веселит твое, Айлар...

В саду разостланы ковры. Разливом
Шумит веселье — крики, гомон, гул.
Воркуют таганы с шурпой и пловом;
С избытком хватит здесь на весь аул.
Бутылок винных взвод готов в атаку;
Бахши свивает струны для гиджака...;

(Из главы 5-й.)

Одeta льдом широкая река,
А над рекою избы в два порядка.
Здесь бой идет. От пушечной пальбы
Земля и небо точно в лихорадке.
Колонной дым уперся в небосвод.
Как буря, конница летит вперед.

То всадники дивизии туркменской
К деревне рвутся, где пожар шумит.
Сверкают в зареве кривые сабли,
Летят кусками лед из-под копыт.
Дорогу проглотив в минуту, в миг ли,
Уже они околицы достигли.

И видно, с той с немецкой стороны
Несутся вихрем всадники навстречу;
Коней взъяненных разъяненный пыл
Обрушив на врага, вступили в сечу.
Дерутся с эскадроном эскадрон.
Горят клинки, как пламя, с двух сторон.

Среди джигитов юноша один
Особенной отвагою примечен:
Орел на стадо, так на немцев он
Кидается, и конь его — как ветер.
Паучью свастику завидев, взор
Его пылает, жарок и остер...

(Из главы 6-й.)

В целом «Айлар» может рассматриваться как несомненное свидетельство дальнейшего творческого роста ее автора. Однако не все в поэме удачно. Обрисовав весьма реалистически и ярко обстановку, в которой действуют герои, Кербабаев в ущерб реальной логике событий заставляет юную героиню совершать подвиги, которые скорей напоминают фантастические приключения героинь старинных дестанов, нежели реальные поступки живых людей (Айлар бежит из плена, переодевшись в платье немецкого офицера, и при этом угоняет штабной «мерседес» и т. п.).

Некритическое использование авторами иных приемов классической поэтики, мало приспособленных к передаче явлений современности, часто снижает ценность поэтических произведений о войне. Тому свидетельство стихотворение К. Сейтлиева «Курбан-Дурды», напоминающее скорее касыду, нежели стихотворение советского автора о бойце Красной Армии, и рассказ А. Дурдыева «Баллы-Мулла», в котором приемы сатирических сказок о Кесе или о Келе механически применены для обрисовки образа колхозного кузнеца, и в результате рассказ утратил какие-либо реалистические черты, а с тем — и свою сатирическую заостренность. Между прочим подобное же некритическое следование фольклорным и классическим традициям в произведениях о современности можно наблюдать и в работе отдельных таджикских, узбекских и киргизских писателей. Так, например, таджикский прозаик Дж. Икрами в рассказе «Мéхтарбод», приписав своему герою многие черты легендарных фольклорных героев, настолько отошел от реальной правды войны,

что лишил рассказ о подвигах советского бойца черт какой-либо правдоподобности. Так же поступил и таджикский поэт Б. Сирус, в одной из поэм которого шесть советских бойцов, «подобные Рустему», в штыковом бою разбивают чуть ли не целый танковый полк противника.

Нужно ли говорить, что подобное следование фольклорной и классической традиции не служит обогащению творчества советских писателей. Механическое перенесение в советскую литературу приемов древних поэтов способно порой увести писателей с широкой дороги реализма в тупик условно-поэтической речи и канонической восточной образности, не приспособленных к передаче современной действительности.

2

Произведения, написанные в Туркмении за время Отечественной войны, свидетельствуют, что туркменская литература в целом продолжает расти и мужать. Общий стиль ее (несмотря на указанные недостатки) стал более реалистичен; круг тем значительно расширился; не так часто дает себя знать тематическая ограниченность. Если прежде писатели Туркмении писали почти исключительно о Туркмении и о ее людях, то теперь в туркменские произведения на правах ровни вошли и природа, и быт, и люди других советских республик и областей (поэт Д. Халтурды пишет поэму «Днепр», в поэме Р. Сейдова «Виден боец в бою» — показана боевая дружба туркмена Ходжама и русского бойца Люсина; в поэме Б. Кербабаева «Айлар» наиболее сильными ме-

стами являются превосходные пейзажи зимней Смоленщины и т. п.).

Признаком роста туркменской литературы должно быть признано и появление во время войны в туркменской прессе целого ряда литературоведческих и критических статей, написанных молодыми учеными — поэтом Аманом Кекиловым, литературоведом и фольклористом Б. Каррыевым и др. До того туркменская литература критики не имела. Наибольший интерес из этих работ представляет статья Амана Кекилова, напечатанная в журнале «Совет Эдебияты» за 1944 год, «Очерки туркменской литературы». Туркменские литературоведы много поработали за военные годы и над дальнейшим сабиранием и изданием родных классиков. Необходимо только пожелать, чтобы наряду со статьями, констатирующими значительность туркменского классического наследия, появлялись бы и статьи, содержащие анализ произведений Махтум-Кули, Шабендэ, Кеминэ, Молла-Непеса, Шейдан и других поэтов прошлого. В большинстве случаев анализ творчества классических поэтов подменяется набором более или менее восторженных эпитетов: «Махтум-Кули — туркменский Пушкин», «Шабендэ обогатил туркменскую классическую литературу высококудожественными дестанами, романами и поэмами», «поэт Гаibi обогатил туркменскую поэзию целым диваном чудных произведений», «Молла-Непес по праву считается непревзойденным мастером любовной лирики» (статья Б. Каррыева «Туркменская литература до Великой Октябрьской революции», журнал «Совет Эдебияты». № 1, 1943 г.).

Завет Горького о критическом усвоении классического наследия не должен подменяться призывом к безоговорочному преклонению перед приемами классических поэтов. Дидактизм, свойственный поэтам Востока, условно-поэтическая речь их, строй их образов, подсказанный в целом ряде случаев их суфийскими симпатиями (принадлежность к суфизму была характерна для многих поэтов Туркмении, Узбекистана, Таджикистана и Азербайджана), не могут и не должны толковаться исследователями литературы, как нечто «вечное в поэзии», чем надлежит безоговорочно восхищаться и чему полезно следовать.

Надо надеяться, что туркменские литераторы, положившие в последние годы столько труда и сил на популяризацию классиков, не преминут заняться и критическим изучением их. Этого требуют интересы дальнейшего роста туркменской советской литературы.

1944—1945 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|--------------------------------------|-----|
| От автора | 5 |
| Культурные традиции аула | 9 |
| Классика и фольклор | 21 |
| На заре советской культуры | 56 |
| Развитие письменной поэзии | 83 |
| Проза и драматургия | 121 |
| В дни Отечественной войны | 141 |

Художник Г. Фишер
Редактор Сергей Бородин
* * *
A-16203.

Подписано к печати 20 III 1945 г.
Кол. печ. л. 47 в. Авт. л. 5.71.
Уч.-изд. л. 5.98. Тираж 10000.
Заказ № 17.

Цена 6 р. 25 к., в перепл. 8 р.
Типография „Красный печатник“.
Москва, ул. 25 Октября, дом 5.

*Цена 6 р. 25 к.
в перепл. 8 р.*